

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минобрнауки России)
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**
(ИПРЭ РАН)

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
И РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

Под научной редакцией доктора экономических наук,
С.А. Иванова

Выпуск 48

**Санкт-Петербург
2020**

УДК 338.24 (1-2/-3) 0.21.8

Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем: Сб. научн. трудов. Вып. 48/ под научной ред. д.э.н. С.А. Иванова. ИПРЭ РАН, - СПб.: ГУАП, 2020. – 92 с.

Утверждено к печати решением
Ученого Совета ФГБУН ИПРЭ РАН

«21» сентября 2020, протокол № 4

Рецензенты

доктор экономических наук,
профессор Заборовская О.В. доктор
экономических наук, профессор
Ходачек А.М.

Редакционная коллегия

Гринчель Б.М., Замятина М.Ф.,
Иванов С.А. (научный редактор), Кузнецов С.В.

ISBN 978-5-8088-1522-3

© ИПРЭ РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© ГУАП, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Взятый страной курс на научно-технологическую модернизацию, формирование цифровой экономики требует серьезных преобразований в социальных отраслях экономики регионов России, от состояния которых зависит развитие человеческого капитала. Со своей стороны, человеческий капитал, способность и готовность работников осваивать новые технологии, участвовать в инновационном процессе выступают главным фактором устойчивого развития, роста конкурентоспособности государства, решения назревших экономических и социальных проблем.

Однако формирование нового качества человеческого капитала, кадрового потенциала цифровой экономики идет пока не так быстро, как того требует время. Отчасти это стало результатом экономических и финансовых потрясений, с которыми столкнулась наша страна в последние десятилетия. Следствием этого стало, в частности, снижение доступности бесплатного высшего и среднего профессионального образования, ухудшение качества и снижение доступности медицинской помощи, особенно в сельских районах, сокращение инфраструктурных объектов сферы культуры и досуга, медленное решение жилищной проблемы и низкое качество услуг жилищно-коммунальной сферы. Усугубились в ряде регионов России экологические проблемы, проблемы с переработкой промышленных и твердых бытовых отходов, не сходит с повестки дня проблема обеспечения эколого-экономической сбалансированности в целом.

В этой связи важнейшим объектом исследования становятся социальные отрасли экономики, играющие ключевую роль в формировании человеческого капитала, обеспечении устойчивого стратегического развития регионов России. Именно от состояния социального сектора экономики, региональной системы образования и подготовки кадров, сферы культуры и здравоохранения, работы системы жилищно-коммунального хозяйства, определяющих доступность и качество социальных услуг, зависит воспроизводство человеческого капитала, его качество и важнейшие свойства, необходимые для современной экономики.

Ситуация в социальном секторе российских регионов определяет сегодня не только динамику социального развития, эффективность решения социальных проблем, темпы роста качества жизни населения, но и экономический рост в целом, развитие инноваций, успешность реализации процесса перехода к цифровой экономике, которая всецело зависит от состояния человеческого капитала.

В этой связи возникает необходимость разработки теоретико-методологических основ стратегического управления развитием социальных отраслей экономики регионов России, определения ключевых направлений и механизмов их эффективного функционирования и развития в условиях научно-технологической модернизации и перехода к цифровой экономике. Рассмотрению преимущественно этих проблем посвящен настоящий сборник научных трудов.

Все статьи, включенные в сборник, подготовлены по результатам исследований в 2020 году сотрудников лаборатории проблем развития социального и экологического пространства и воспроизводства трудовых ресурсов региона Института проблем региональной экономики РАН по Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013-2020 годы (п. 173 Разработка стратегии трансформации социально-экономического пространства и территориального развития России).

Доктор экономических наук

С.А. Иванов

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ «КУЛЬТУРА»

Реализация национального проекта (НП) «Культура» в условиях распространения коронавируса выявила комплекс новых содержательных процессов, дополнительных сложностей и, что особенно позитивно для значительной части населения страны, оборачивается существенным увеличением доступа и к культурным ценностям, и к активному деятельному участию в культурной жизни сельского населения, жителей малых городов, удаленных от культурных столиц, жителей Севера, Сибири и Дальнего Востока.

НП «Культура» разработан в рамках реализации президентского Указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», реализация которого началась 1 января 2019 года. НП «Культура» включает три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура», куратор нацпроекта – заместитель Председателя Правительства РФ Дмитрий Чернышенко, руководитель – Министр культуры Ольга Любимова.

В рамках национального проекта «Культура» к 2024 году, в частности, планируется:

- построить 39 центров культурного развития в городах с числом жителей до 300 тысяч человек;
- построить, реконструировать и капитально отремонтировать 526 сельских культурно-досуговых объектов;
- модернизировать 1200 кинозалов по всей стране;
- создать 500 виртуальных концертных залов;
- оснастить 1800 образовательных учреждений (детских школ искусств и училищ) новыми музыкальными инструментами, оборудованием и учебными материалами;
- реконструировать или капитально отремонтировать 40 региональных и муниципальных театров юного зрителя и театров кукол;
- переоснастить 660 муниципальных библиотек по модельному стандарту;
- обеспечить для 200 тысяч человек повышение квалификации в Центрах непрерывного образования в сфере культуры;
- обеспечить грантовую поддержку для 120 любительских творческих коллективов;
- оцифровать 48 тыс. книжных памятников для Национальной электронной библиотеки.

Всего на исполнение нацпроекта из бюджета в 2019-2024 годы планируется потратить 113,5 млрд руб. (из федерального бюджета –109,7 млрд руб., из бюджетов субъектов РФ –3,8 млрд руб.). При этом наибольшее финансирование предусмотрено для реализации федерального проекта «Культурная среда» – 84 млрд руб.[1]

По состоянию на 1 ноября 2019 года кассовое исполнение мероприятий НП «Культура» составило 10332,5 млн рублей, или 72,9 % от ассигнований, установленных сводной бюджетной росписью[2]. В 2020 г. культура «ушла» в онлайн. Из 3-х направлений реализации НП «Культура» (Федеральные проекты (ФП)

«Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровизация культуры») ФП «Цифровизация культуры», стал по итогам 2019г. относительным аутсайдером (ФП «Культурная среда» и ФП «Творческие люди» по ряду показателей, установленных на весь 2019 год, были исполнены к ноябрю 2019 года), [2]. В 2020г. ФП «Цифровизация культуры» по известной причине стал объектом повышенного общественного внимания и дополнительных управленческих усилий со стороны Минкультуры РФ.

Включение культуры в перечень приоритетов социально-экономического развития РФ как основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны – основа современной культурной политики РФ. Регионы и местные органы власти и управления становятся опорой государственной культурной политики, максимально полно учитывающей весь комплекс природных, исторических, культурных, хозяйственных и иных условий жизнедеятельности населения.

Цифровизация культуры вносит радикальное изменение в качество культурной среды регионов. основополагающую роль в ресурсном обеспечении этих изменений играет федеральный центр, обеспечивающий финансирование НП «Культура». По словам министра культуры РФ О. Любимовой, в данный момент руководство театров и музеев пересматривает планы спектаклей и выставок, решает, с чего лучше начать «возвращение в жизнь» [3]. «Это очень важно еще и психологически», – подчеркнула министр культуры.

Что касается международных проектов, то, по словам Любимовой, какие-то из них придется перенести на следующий год. Но, в любом случае, ведомство будет ориентироваться на решения руководства творческих организаций.

«Какие-то международные проекты, безусловно, переедут на другой год, каких-то, возможно, не будет, – сказала министр. – Но это будет совершенно точное понимание художественного руководителя каждого театра и совместное решение вместе с труппой – от какого репертуара отказаться».

Из-за режима самоизоляции и запрета на массовые мероприятия в связи с пандемией COVID-19 учреждения культуры оказались недоступны для посетителей. Тем не менее, театры предлагают зрителям смотреть онлайн-трансляции, а музеи приглашают на виртуальные экскурсии. Так, 4 апреля сообщалось, что за две недели 10 миллионов человек совершили онлайн-экскурсии по залам Эрмитажа [3].

Для искусства границ не существует. Когда двери театров, концертных залов и галерей закрыты, оно готово помочь людям вырваться из самоизоляции. Премьеры-онлайн, мастер-классы и экскурсии – не выходя из комнаты. Хотя, не забудьте про балкон – возможно, ваши соседи по дому уже дают концерт [3].

«Национальная программа в сфере культуры должна получить сильное региональное измерение, стимулировать повышение качества и разнообразие культурной жизни в малых городах и посёлках страны... Города, где появятся первые кластеры, уже определены: это Владивосток, Кемерово, Калининград и Севастополь. Также выбраны творческие вузы, музеи, театры, которые там будут представлены, – отмечал В.В. Путин на Заседание Совета по культуре и искусству 15 декабря 2018 года. [4]

Опора на регионы как ключевые, опорные субъекты трансформации социально-культурного пространства предусматривает координацию внесения изменений в документы стратегического планирования субъектов Российской Федерации с целью обеспечения их соответствия положениям общегосударственных документов стратегического планирования в сфере культуры – Основ государственной

культурной политики,[5] Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [6], Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 [7], в котором сформулированы национальные цели развития культуры для органов исполнительной власти.

В стратегии трансформации социально-культурного пространства проектирование региона занимает особое место. Именно на уровне региона сегодня складывается стратегия развития культуры с учетом социально-экономических особенностей развития территории, ее культурного потенциала, интересов и запросов различных категорий населения и др.

Около пяти миллионов зрителей смогли бесплатно посмотреть лучшие спектакли театров из разных уголков страны благодаря проекту «Большие гастроли – онлайн». Состоялись показы театральных коллективов из Бурятии, Астрахани, Москвы, Архангельска, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Калининграда, Республики Саха (Якутия), Саратова, Иваново, Оренбурга, Липецка, Владимира, Орска, Омска, Свердловска, Новокузнецка, Твери, Республики Коми и других регионов.

«Большие гастроли – онлайн» также транслируются в режиме стриминга. Среди информационных партнеров, ведущих прямые интернет-трансляции, – портал «Культура.РФ», телеканал «Россия – Культура», портал KudaGo, журнал «Театрал» и другие. Кроме того, видеозаписи хранятся в открытом доступе онлайн-кинотеатра Okko и на сайте проекта «Культурный сезон с ОТР».

С 20 по 26 апреля зрители смогут увидеть не только видеозаписи спектаклей, но и прямые трансляции из театров, где артисты будут играть спектакли при пустых залах.

«Программа «Большие гастроли – онлайн» – это возможность для театров всей страны отправиться на «виртуальные гастроли» в этот период, когда обычные гастроли стали невозможны. Это сложное время, но в то же время — это шанс показать себя широкой аудитории, открыть новые формы взаимодействия со зрителем, освоить современные технологии и получить обратную связь через интернет из разных уголков страны. Мы открываем новые горизонты востребованности театрального искусства в формате онлайн с миллионной аудиторией. В ожидании восстановления театрального сезона, мы хотим дать возможность каждому театру быть увиденным сотнями тысяч зрителей, которые запомнят спектакль и будут ждать его приезда в свой город, когда все обязательно наладится», – сообщила руководитель проекта, гендиректор Федерального центра поддержки гастрольной деятельности Елена Булукова. «Большие гастроли – онлайн» уже посмотрело почти 5 миллионов зрителей [8].

МТС, крупнейший российский телекоммуникационный оператор и провайдер цифровых услуг, Российское движение школьников, факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова и Российская государственная детская библиотека совместно с Министерством культуры Российской Федерации подвели промежуточные итоги работы горячей линии «В сказку – из дома». За первую неделю на бесплатный номер 8-800-250-10-51 поступило более 10 тысяч звонков от детей и родителей со всей страны, прослушано 850 часов сказок – это порядка 35 дней непрерывного чтения.

К команде сказочников-волонтеров присоединилось уже более 300 волонтеров из Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Саратова, Нижнего Новгорода, Кемерово, Южно-Сахалинска и других городов России.

Наиболее активными регионами стали Москва и Санкт-Петербург, Республики Татарстан и Чувашия, Краснодарский край, Сахалинская, Нижегородская, Тульская, Челябинская и Ярославская области.

На виртуальном Петербургском международном юридическом форуме «9 1/2: Законы коронавируса», О.Любимова обратила внимание на важность сохранения международных связей онлайн. В качестве примера она привела ряд онлайн экскурсий Эрмитажа, которые проводились на итальянском языке.

«Это важная наработка на будущее», - заключила министр.

В рамках форума проходила дискуссия «Культура онлайн: вернуться, чтобы остаться», часть Спецпроекта Санкт-Петербургского международного культурного форума Открытый лекторий «Культура 2.0». Эксперты обсудили цифровую трансформацию культуры, коммуникацию культурных институций с посетителями и новые форматы работы с аудиторией [9].

Литература

1. Национальный проект «Культура». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mkrf.ru/about/national-project/about-project/> Дата обращения 24.04.2020.

2. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта «Культура», необходимых для выполнения задач, поставленных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?clid=2186617&text=> Дата обращения 17.02.2020.

3. Самоизолируемся с пользой: культура и искусство создают новые возможности в онлайн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3253995> Дата обращения: 24.04.2020.

4. Заседание Совета по культуре и искусству. 15 декабря 2018 года. Санкт-Петербург 15 декабря 2018 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59416> Дата обращения: 20.04.2020.

5. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808). [Электронный ресурс]. Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70828330/#ixzz5UN2MBY2V>. Дата обращения: 19.10.2018.

6. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. N 326-р). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> Дата обращения: 17.11.2019.

7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> Дата обращения: 19.11.2018.

8. Елена Булукова. «Большие гастроли – онлайн» уже посмотрело почти 5 миллионов зрителей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mkrf.ru/press/news/bolshie_gastroli_onlayn_uvideli_pochti_5_millionov_zriteley Дата обращения: 20.04.2020.

9. Карантин расширяет возможности культуры в онлайн, считают эксперты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20200410/1569878924.html> Дата обращения: 20.04.2020.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА

Формирование человеческого капитала региона – сложный процесс совершенствования и передачи профессиональных знаний, умений и навыков, зависящий от многочисленных факторов, в числе которых социально-экономический, демографический, правовой, экологический и др. Это многоуровневый процесс – от уровней государства и региона до уровня индивида. Наиболее точным определением человеческого капитала нам представляется определение человеческого капитала, предложенное О.И. Ивановым, согласно которому, человеческий капитал – это «совокупность таких свойств людей, которые возникли у них в результате различных инвестиций и которые могут приносить в определенных социально-экономических обстоятельствах владельцу этих свойств, а также обществу доход, прибыль, блага, преимущества» [1, с.27].

Человеческий капитал региона формируется из человеческого капитала двух групп населения: 1. местное (постоянное, принимающее) трудоспособное население региона; 2. мигранты. Вторую группу можно подразделить на следующие категории: легальные трудовые мигранты из-за рубежа, зарубежные участники образовательной миграции, российские участники образовательной миграции, трудовые мигранты из других регионов России, нелегальные трудовые мигранты). По оценкам аналитиков международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, 10% работников на российском рынке труда – мигранты [2]. В связи с неуклонным старением населения России, низкой рождаемостью, в ближайшее время наша страна не перестанет нуждаться в притоке трудовых мигрантов (так, по прогнозу Минэкономки, к 2025 году трудоспособное население нашей страны сократится на 2 миллиона человек) [3].

Одним из важнейших факторов формирования человеческого капитала региона является социально-экономический фактор. Высокий уровень социально-экономического развития региона обеспечивает широкий диапазон возможностей формирования и применения человеческого капитала. В свою очередь, это обстоятельство привлекает на территорию региона новых носителей человеческого капитала, как из других регионов, так и из других стран. На территории Российской Федерации такими регионами являются, например, Москва и Санкт-Петербург, которые традиционно привлекают большую часть трудовых мигрантов и участников образовательной миграции. Согласно данным ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в 2018 году в Санкт-Петербург прибыло 366,6 тысяч трудовых мигрантов, из которых 147200 человек – трудовые мигранты из Узбекистана, 30600 человек из Киргизии, 76100 человек – из Таджикистана [4].

Санкт-Петербург как крупный образовательный центр России, осуществляющий подготовку специалистов в широком профессиональном диапазоне, традиционно является центром притяжения участников образовательной миграции, в том числе, например, студентов из Китая. Так, на встрече губернатора Санкт-Петербурга А. Беглова и заместителя Генерального секретаря Постоянного комитета Коммунистической партии Китая провинции Шэньси госпожой Хэ Жун, в сентябре

2019 года отмечалось, что в Санкт-Петербурге учатся 5,5 тыс. студентов из Китайской Народной Республики [5].

Огромное значение для формирования человеческого капитала региона имеет качество человеческого капитала, привлекаемого на конкретную территорию. Низкая квалификация прибывающих трудовых мигрантов ухудшает качество человеческого капитала региона, а приток трудовых мигрантов являющихся высококвалифицированными специалистами улучшает его.

Однако, существует проблема недоиспользования возможностей трудовых мигрантов. Новые высокотехнологичные рабочие места не создаются, поскольку работодатель привлекает работников различной квалификации на уже имеющиеся рабочие места; тем самым, тормозится внедрение инноваций. Опросы свидетельствуют, что «около трети мигрантов с высшим образованием и почти половина со средним специальным/профессиональным образованием трудятся на рабочих местах, не требующих никакой квалификации» [6, с.16].

Согласно «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики» необходимо для дальнейшего поступательного развития России [7]. В качестве стратегической задачи Концепция определяет «создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля» [7].

В настоящее время миграционная привлекательность Российской Федерации недостаточна для привлечения необходимого количества высококвалифицированных и квалифицированных иностранных специалистов, особенно специалистов из стран Западной Европы и США. К сожалению, на сегодняшний день привлекательность нашей страны очевидна только для специалистов из стран участников СНГ и ЕАЭС, а также из некоторых стран Восточной Азии.

Безусловно, насущной необходимостью является изучение опыта стран, занимающих ведущее место в мире по эффективному привлечению высококвалифицированных специалистов. Прежде всего, это США, которые привлекают для работы около 40% всех высококвалифицированных специалистов-мигрантов, Великобритания, Германия, Канада, Австралия, Япония и Китай и некоторые другие [8; 9, 39]. Эти страны проводят активную политику привлечения высококвалифицированных специалистов, имеют соответствующие программы. Например, в 2008 году в Китае была принята программа «тысячи талантов», в рамках которой, университеты этой страны получают финансирование от правительства на привлечение таких специалистов для научной работы. За время, прошедшее с момента принятия этой программы, к 2017 году в страну также вернулись 7000 инженеров и ученых [8; с.10].

Кроме того, по-прежнему актуальна такая проблема как «утечка мозгов» (эмиграция из страны собственных высококвалифицированных специалистов), которая существенно влияет на качество человеческого капитала, как всей страны, так и конкретного региона, из которого происходит выезд, способствует торможению инновационных процессов, является одним из факторов, негативно влияющих на экономическую безопасность нашей страны. По данным Всемирного банка, опубликованным в 2019 году в докладе «Миграция и утечка мозгов. Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии» к 2017 году накопленная

численность эмигрантов из Российской Федерации составила 10,6 миллиона человек, что составило 7,3% по отношению к общей численности населения [9, с.6].

Как отмечал в одном из своих выступлений заместитель главы Минэкономки Илья Горосов, «Россия остается донором высококвалифицированных специалистов для развитых экономик, так как около 90% российских граждан, выезжающих на постоянное место жительства в другие страны, имеют высшее или среднее профессиональное образование» [3]. Возможно, решение этой проблемы состоит, прежде всего, в создании для носителей человеческого капитала высокого качества условий, позволяющих максимально его реализовать. В ряду мероприятий может быть:

- создание таких инновационных проектов как «Сколково», технополисов и технопарков;
- улучшение государственного финансирования науки;
- создание эффективных механизмов для быстрого внедрения инновационных разработок в промышленности;
- государственная поддержка наиболее важных «стартапов» в приоритетных для развития сферах экономики;
- различные меры поддержки для молодых специалистов;
- программы поддержки для специалистов пенсионного и предпенсионного возраста.

Результатом может быть не только уменьшение в будущем «утечки мозгов», но и возможное возвращение ранее эмигрировавших высококвалифицированных специалистов в Российскую Федерацию.

Высокое качество жизни населения региона является важным условием привлекательности региона для трудовых мигрантов из-за рубежа и представителей межрегиональной миграции. Обеспеченность региона качественной и доступной медицинской помощью, доступным жильем, благоприятная экологическая обстановка в регионе, безопасность жизни и деятельности – все это делает регион конкурентоспособным в борьбе за привлечение необходимых региону носителей человеческого капитала. Однако, как бы ни был велик вклад трудовых мигрантов в формирование человеческого капитала регионов, необходимо отметить, что во многом, он будет зависеть от того, насколько носители человеческого капитала будут мотивированы и дальше инвестировать в развитие имеющихся у них знаний, умений и навыков. Двадцать первый век – век непрерывного образования, инноваций, смелых решений и глобализации. От того, насколько мы правильно сумеем воспользоваться человеческим капиталом трудовых мигрантов, будет зависеть наше будущее: развитие экономики, благосостояние населения, имидж России на международной политической арене.

Литература

1. Иванов О.И. Человеческий капитал в социальном пространстве.// Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2015. №4(49).
2. Трубникова Елена. FinExpertiza составила рейтинг регионов РФ с самой высокой концентрацией трудовых мигрантов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/trud-migrant/> - доступ – 01.09.2020).
3. Семенова Ольга. Миграции поставят планку квалификации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3998297>. Дата обращения: 05.09.2020.

4. Почему в Петербурге стало меньше мигрантов из Средней Азии? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://forum-truda.expoforum.ru/publications/30.01.19/5c51b83a6da88d5c38c1bef9/?s=5a33d4be77342e946afe78d7> Дата обращения: 02.09.2020.

5. Беглов принял в Смольном китайскую делегацию и обсудил деловое сотрудничество [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nevnov.ru/721988-beglov-prinyal-v-smolnom-kitaiskuu-delegaciyu-i-obsudil-delovoe-sotrudnichestvo> - доступ 16.02.2020.

6. Мкртчян Н., Флоринская Ю. Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений//Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. Январь. № 1(62) ([Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/2018_1-62_January.pdf Дата обращения: 28.04.2019.

7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-migratsionnoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-na/> Дата обращения: 30.08.2020.

8. Опыт трудоустройства иностранных граждан – высококвалифицированных специалистов – ВКС. Проблемы и барьеры, возникающие в процессе трудоустройства, пути решения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fbacs.com/articles/opyt-trudoustroystva-inostrannykh-grazhdan-.html> Дата обращения: 05.09.2020.

9. Всемирный банк. 2019. Обзор экономики Европы и Центральной Азии, осень 2019 г.: миграция и утечка мозгов. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк. © Всемирный банк. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32481> Лицензия: CC BY 3.0 IGO. Дата обращения: 05.09.2020.

10. Капалина Софья. Восточная мудрость: зачем учиться в Китае и ждут ли там иностранцев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeslife/373769-vostochnaya-mudrost-zachem-uchitsya-v-kitae-i-zhdut-li-tam-inostrancev> Дата обращения: 04.09.2020.

УДК 332.1

Замятина М.Ф.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

В последние десятилетия в мире наблюдается тенденция усиления значимости экологической безопасности современного экономического (хозяйственного) развития для экосистем и, прежде всего, человека, проживающего на конкретной территории.

Такая тенденция обусловлена возрастающими потерями от деградации природных систем, экологическим ущербом, ухудшением качества жизни и условий для развития человеческого потенциала региона.

Так по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) загрязнение воздуха является важным фактором влияния на здоровье населения, и «вклад» только этого фактора в случае смертей от болезней легких составляет – 18 %, инсульта – 20 %, а сердечно-сосудистых – 34 % [1].

Поэтому экологическая безопасность региональной среды обитания, как совокупность условий, обеспечивающих качество жизни и безопасность

жизнедеятельности проживающего на данной территории населения, является одной из важных составляющих национальной безопасности

Воздействие хозяйственной и иной деятельности приводит к негативным изменениям качества региональной среды обитания, которое характеризуется физическими, химическими, биологическими и другими свойствами, измеряемые набором показателей или их совокупностью.

Если региональная среда обитания обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов, она рассматривается как благоприятная для населения и хозяйствования.

Для обеспечения экологической безопасности важно, чтобы комплекс законодательных, управленческих, технолого-технологических мероприятий, обеспечил минимальный уровень неблагоприятных воздействий хозяйственной деятельности на региональное сообщество и среду его обитания при сохранении достаточных темпов экономического развития региона. Поэтому экологическая безопасность в современных условиях определяется, прежде всего, антропогенной средой. С позиций экологической безопасности главное не допустить в ходе хозяйственной деятельности в региональной среде обитания состояний, угрожающих природе (биосфере) и человеку. Концепция экологически безопасной региональной среды обитания должна исходить из необходимости обеспечения биосферосовместимости, эколого-экономической сбалансированности регионального развития.

Основой этой концепции является переход к экологически устойчивому развитию страны и ее регионов. Такое Поручение Президент РФ дал Правительству РФ, министерствам и ведомствам по итогам заседания Государственного Совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений», проведенного в январе 2017 года: предусмотреть при разработке документов стратегического планирования и комплексного плана действий Правительства Российской Федерации на 2017 – 2025 годы в качестве одной из основных целей переход России к модели экологически устойчивого развития, позволяющей обеспечить в долгосрочной перспективе эффективное использование природного капитала страны при одновременном устранении влияния экологических угроз на здоровье человека» [2].

Для России переход к экологически устойчивому развитию как механизму обеспечения экологической безопасности в регионе особенно актуален, поскольку, несмотря на то, что Россия в планетарном масштабе является мировым экологическим донором, загрязнение окружающей среды в ряде регионов достигло критической отметки, экологическая ситуация в большинстве регионов оценивается как неблагоприятная, что негативно сказывается на состоянии региональной среды обитания и, как следствие, экологической безопасности населения и территориальных экосистем.

Как отмечалось на указанном выше заседании Госсовета, ежегодный экономический ущерб как следствие антиприродной деятельности доходит до 6 % ВВП, с учетом негативных последствий для здоровья людей до 15 % ВВП. В России 56 млн человек проживает в 143 городах в условиях загрязненного воздуха, в котором «вклад» автотранспорта составляет от 50 % до 90 %. На состояние воздушного бассейна оказывают негативное влияние и климатические изменения. Особенно это имеет место в городах, где движение воздушных масс затруднено из-за

геологического расположения города (например, проблемы современного Красноярска).

Почти 90 % сточных вод, подлежащих очистке, сбрасываются в водоемы неочищенными до требуемого уровня. При этом доля загрязненных стоков по федеральным округам различается почти в 5 раз (2017г.: Уральский федеральный округ – 54 %, Северо-Кавказский федеральный округ – 11 %). Практически во всех регионах сохраняется тенденция ухудшения состояния земель и почв.

Особую экологическую опасность для региональной среды обитания представляют промышленные отходы и ТКО, общее количество которых составляет свыше 30 миллиардов тонн. Это чрезвычайно важная для российских регионов проблема. По данным Росстата в регионах ТКО, как и ранее, захораниваются в основном на полигонах, либо на несанкционированных свалках. Ликвидация всех выявленных на 1 января 2018 года таких свалок в границах городов была запланирована в рамках нацпроекта «Экология», поскольку они представляют большую санитарно-эпидемиологическую опасность для населения, проживающего на данной территории.

Что касается производственных отходов, то здесь возникает другая проблема: следствием размещения их для складирования является загрязнение почвы, подземных поверхностных вод и атмосферы, в том числе токсичными веществами. При этом территория загрязнений может более, чем в 10 раз превышать площадь складирования.

По данным Росгидромета потепление вследствие климатических изменений в России происходит в 2,5 раза быстрее глобального потепления. В результате имеет место рост интенсивности экстремальных гидрометеорологических явлений, меняются условия хозяйствования, и, в отдельных регионах, по мнению экспертов, стоимость ущерба от климатических изменений может составлять 5 – 6 % ВРП [3].

В последние годы созданы определенные предпосылки для перехода к экологически устойчивому развитию, но темпы этих изменений невелики, а экологическая ситуация в российских регионах, особенно в центрах индустриального освоения, остается достаточно сложной. Это обусловлено и тем, что для сложившейся в России системы расселения характерно гипертрофированное развитие крупных центров, где сосредоточено городское население и большая часть промышленного потенциала, для которых проблемы экологической безопасности приобретают особую значимость.

Для современного этапа эколого-экономического развития российских регионов характерны некоторые позитивные тенденции.

Наблюдается снижение вредных выбросов в атмосферный воздух от стационарных источников, но возрастает «вклад» передвижных источников. Имеет место снижение сброса загрязненных сточных вод, но с учетом загрязнений предшествующего периода большое число водных объектов в регионах России характеризуются как «грязные», «очень грязные», и даже «экстремально грязные». Растет объем отходов производства и потребления при том, что ситуация с переработкой отходов во вторичные ресурсы меняется очень медленно.

В значительной степени это обусловлено тем, что переход от институциональных изменений к конкретным четко прописанным механизмам управления планируемых преобразований, осуществляется медленно.

В России необходимость перехода к модели экологически устойчивого развития неоднократно декларировалась на государственном уровне. При отсутствии

Стратегии устойчивого развития Российской Федерации как самостоятельного документа принципы устойчивого развития частично учитывались ранее и учитываются в настоящее время при разработке нормативно-правовой базы, определяющей государственную политику, прежде всего, в области экологического развития, и, в меньшей степени, в экономической и социальной областях. Существенные изменения в нормативно-правовой базе произошли в период 2012 – 2019 годах.¹

В числе главных изменений следует выделить включение экологии в национальные приоритеты и в число нацпроектов (нацпроект «Экология»), которые рассматриваются как основные инструменты достижения запланированных целей развития страны на долгосрочный период.

Однако экономическое развитие слабо ориентировано на новые технологии, задачи экономического и экологического развития часто противопоставляются, не обеспечивается финансирование адекватное задачам современного эколого-экономического развития, в законодательстве слабо представлены нормы, стимулирующие переход на новые модели экономики, слабо развивается диалог представителей власти, бизнеса, населения, науки, образования при решении проблем перехода к экологически устойчивому развитию, способствующих повышению экологической безопасности регионального развития.

В тоже время признание, одобрение, поддержка мировым сообществом глобальных инициатив последнего десятилетия свидетельствует, что устойчивое развитие стало признанной парадигмой развития современной цивилизации, а глобальные инициативы существенно изменили ситуацию в области реализации концепции устойчивого развития, основой которой стал новый тип экологически ориентированной экономики.² Таким образом, экологически устойчивое развитие страны и её регионов становится главным вектором эколого-экономического развития. Регионы рассматриваются как социо-эколого-экономические системы, для экологически устойчивого развития которых необходимо изменение экономического ландшафта: переход от линейной модели экономики к «зеленой» и циркулярной экономике. Драйвером экологически устойчивого развития является бизнес, поскольку крупные компании оказывают существенное влияние на экологическую безопасность территорий своего присутствия.

С позиций экологической безопасности новые модели экономики позволяют снизить негативные последствия хозяйственной деятельности, связанные, в том числе, с глобальными изменениями климата, уменьшением объема потребления первичных ресурсов, уменьшением загрязнения региональной среды обитания и

¹ «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (2012год); Указ Президента РФ №176 «О стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025года»; ФЗ №52 «Закон о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» в редакции от 01.07.2017; Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года" и др.

² «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030года», в которой в 2015 году на саммите мировых лидеров в Нью-Йорке были определены для всех стран Цели устойчивого развития ООН (ЦУР) до 2030 года, Парижское соглашение по борьбе с изменениями климата, одобренное в декабре 2015 года, в котором обосновывалась необходимость экологизации национальных и мировой экономики для борьбы с климатическими изменениями и состоявшийся 1 июля 2018 г. «Политический форум высокого уровня, центральная платформа Организации Объединённых Наций для последующей деятельности и обзора Повестки дня устойчивого развития до 2030 года и целей устойчивого развития».

снижением экологических рисков для здоровья населения и деградации экосистем, расположенных на территории региона.

Анализ мировых тенденций свидетельствует, что новые модели экономики активно осваиваются развитыми странами, при этом переход на новые модели экономики рассматривается не только как важный фактор экологически устойчивого развития, но, что не менее важно, как фактор повышения конкурентоспособности национальной экономики, то есть обеспечивается взаимозависимость и взаимосвязь экологического и экономического развития, что является важной позитивной тенденцией современного эколого-экономического развития, способствующей повышению экологической безопасности.

Экологическая безопасность индустриального этапа развития, включая последствия техногенных и антропогенных катастроф – это традиционная составляющая, которая в современных условиях не только сохраняет, но и в большинстве регионов России усиливает свою значимость.

Однако требуют исследований и новые виды экологической опасности, роль которых в перспективе будет возрастать. Во-первых, это воздействие новых технологий (нанотехнологии, геномная модификация, цифровизация, уход в виртуальную реальность и т.д.), развитие которых меняет и модифицирует региональную среду обитания и формирует новую информационно-технологическую реальность существования человека.

Новые технологии в отличие от традиционных загрязнителей оказывают негативное влияние на психофизиологическое, эмоциональное состояние человека. Разработка и внедрение новых природоподобных, биомедицинских и т.д. технологий как основополагающего направления современного научно-технологического развития опережает осознание и изучение возможных медико-социальных и эконо-нравственных последствий их применения, а нечеткость границ гражданского и военного применения, доступность и возможность создания на их основе средств поражения усиливают террористическую опасность.

Следующей составляющей экологической безопасности является медико-эпидемиологическая, важность которой демонстрирует пандемия COVID-19, по сути, представляющая собой разразившуюся войну в системе «общество-природа» и показавшую недостаточную готовность общества защитить свое население от этой экологической опасности.

Поэтому экологическая безопасность населения и экосистем, расположенных на данной территории, является важным стратегическим направлением эколого-экономического развития регионов и необходима включенность этого направления в действующую систему стратегического регионального управления с учетом оценки неблагоприятного воздействия региональной среды на здоровье населения.

Литература

1. Влияние на здоровье и климат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://breathelife2030.org/ru/the-issue/health-and-climate-impacts>, свободный.
2. Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53775> Дата обращения: 27.12.2016 г.

3. Оценка макроэкономических последствий изменений климата на территории Российской Федерации на период до 2030 года и на дальнейшую перспективу. Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), 2011.

УДК 338:242

Иванов С.А.

О ПРИОРИТЕТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Анализ социально-экономического развития регионов России в последние годы показывает, что современная экономическая наука, социальная теория оказались не готовыми решить целый ряд новых проблем, возникших в связи с принятым курсом на научно-технологическую модернизацию, формирование цифровой экономики. И одной из главных фундаментальных проблем современного развития регионов России и страны в целом является качество человеческого капитала, его эффективное использование. Само же развитие человеческого капитала в регионах России всецело зависит от состояния социального сектора экономики, эффективности его функционирования, приоритетов развития, заложенных в документах стратегического развития субъектов Российской Федерации.

Здесь сразу же следует определиться с содержанием термина «социальный сектор экономики».

Принцип членения экономики на сектора активно используется в современных экономических исследованиях: статистике, бюджетировании, налогообложении. Вошло в практику употребление терминов «предпринимательский сектор», «финансовый сектор», «первичный сектор», «третий сектор» и другие. Однако, во всех случаях для идентификации того или иного сектора используется, как правило, одно основание, один главный признак. В тоже время, все чаще возникает необходимость исследовать, структурировать объекты, явления, имеющие сложный состав, многофакторную природу, разнородные признаки и критерии идентификации.

Прежде чем обозначить теоретическую интерпретацию сущности социального сектора экономики отметим, что близким по смыслу, но не совпадающим по содержанию с понятием «социальный сектор», являются категории «государственный сектор» и «общественный сектор». При этом в научной литературе нередко можно обнаружить использование этих категорий как синонимов. Отчасти это происходит потому, что термин «государственный сектор» отдельными авторами рассматривается как перевод с английского языка термина «public sector». Отсутствие четкого деления этих категорий по своему содержанию обуславливает необходимость еще раз уделить внимание этому вопросу.

Традиционно основным признаком государственного сектора считается его подконтрольность государству. То есть государственный сектор – это та часть экономики, «которая полностью контролируется государством, правительством» [1].

Такое, можно сказать, базовое определение государственного сектора, можно встретить в работах К.Р.Макконнелла, С.Л.Брю и других исследователей. Взятые за основу это определение было существенно развито и дополнено отечественными авторами. При этом основные различия в определении государственного сектора свелись к различиям в интерпретации его содержания.

Анализ библиографии, посвященной этой проблематике, показывает, что одни авторы относят к государственному сектору только хозяйственные объекты, находящиеся в государственной собственности. Другие представляют государственный сектор как «комплекс хозяйственных объектов, целиком или частично принадлежащих центральным или местным государственным органам, полностью контролируемых государством» [2]. Иными словами, в этот сектор могут входить организации, в которых государство владеет только частью акций, но при этом полностью контролирует их деятельность.

Наиболее общее определение государственного сектора дал Э.В.Алехин, который при этом фактически поставил знак равенства между государственным сектором и общественным сектором. В соответствии с интерпретацией этого автора государственным (общественным) сектором выступает «совокупность всех видов ресурсов (материальных, трудовых, интеллектуальных, технологических, денежных и т.д.), находящихся в собственности и распоряжении государства, которые оно может использовать по мере необходимости и на основании четкой нормативно-правовой базы» [3, с.43].

В определении Алехина также используется критерий субъекта владения собственностью, но, что более важно, расширен спектр объектов, включаемых в состав государственного сектора. По сути дела, он говорит о необходимости включения в состав государственного сектора не только организаций, но и бюджетных средств, которыми распоряжается государство. Это непосредственно вытекает из его утверждения о том, что «Государственный сектор – это не только совокупность предприятий и учреждений, находящихся в собственности органов власти всех уровней, но и в первую очередь государственные денежные средства, которые составляют государственные бюджеты всех уровней: доходы и расходы» [3, с.43].

Здесь нужно сразу же отметить, что, во-первых, органы власти могут быть не только государственными, но и муниципальными, находящимися за рамками государственной ветви власти. Во-вторых, есть предприятия, находящиеся в муниципальной собственности, которые по формальным основаниям также не входят в состав государственного сектора, но которые также должны рассматриваться как элемент «общественного сектора». Данное обстоятельство еще раз подтверждает тезис о неправомерности идентификации государственного сектора с общественным сектором.

Однако есть и еще один важный аспект проблемы, требующий разводить государственный и общественный сектора экономики.

Предприятия, организации, находящиеся в государственной или смешанной собственности, что является главным критерием включения их в состав государственного сектора экономики, могут работать и работают как субъекты рыночной экономики. Это означает, что целью их деятельности является извлечение прибыли.

С другой стороны, главным отличием организаций общественного сектора, по мнению большинства отечественных исследователей, является то, что в этом секторе «организации являются некоммерческими (то есть, не ставят перед собой главную задачу в получении прибыли)» [4], что в общественном секторе экономики «преобладает нерыночный способ координации экономической деятельности, нерыночный тип организации обмена деятельностью» [5].

Отсутствие единого подхода даже в определении сущности и содержания двух этих базовых исследовательских категорий (государственный сектор и общественный сектор) вносит зачастую неразбериху в толковании целей, приоритетов, механизмов их функционирования, от которых ни много ни мало зависит удовлетворение социальных нужд населения. Все это, на наш взгляд, и обуславливает целесообразность введения и использования не только в теории, но и в практике управления, новой категории – «социальный сектор экономики».

Для целей социального управления мы предлагаем понимать под социальным сектором экономики совокупность отраслей, деятельность которых непосредственно направлена на удовлетворение социальных нужд, интересов населения и работу которых государственные и муниципальные органы власти и управления контролируют и поддерживают в наибольшей степени.

Важно отметить при этом, что сами организации социального сектора экономики могут находиться как в государственной, так и в частной, муниципальной собственности, собственности общественных организаций. Но критерияльным основанием отнесения их к разряду субъектов социального сектора является то, что их продукция, услуги должны быть предметом потребления населения, а также, то, что органы власти разного уровня должны принимать участие в регулировании и поддержании деятельности этих организаций.

В качестве примера такими организациями могут выступать государственные, муниципальные и частные вузы и колледжи, государственные и негосударственные медицинские центры и спортивные клубы, государственные и негосударственные музеи, акционерные компании в сфере ЖКХ.

Таким образом, мы определяем социальный сектор экономики как совокупность отраслей социальной сферы (образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства и пр.), в которых функционируют как государственные, так и негосударственные организации, но вся деятельность которых подчинена задаче оказания социальных услуг и производства товаров для населения.

Главной особенностью социального сектора экономики является то, что его целевой функцией выступает формирование и развитие человеческого капитала, и именно в этом контексте социальный сектор является приоритетным для регулирования и поддержки со стороны государства.

Однако, в условиях рыночной экономики, как оказанием социальных услуг, так и производством товаров для населения занимаются не только государственные, но и негосударственные организации и предприятия. В этой связи различаются и механизмы регулирования и поддержки, которые используются органами власти и управления в отношении государственных и негосударственных организаций.

Одной из характерных черт регионального развития в последние десятилетия стало нарастание целого ряда социальных проблем. Отмечается, в частности, снижение доступности бесплатного высшего и среднего профессионального образования, ухудшение качества и снижение доступности медицинской помощи, особенно в сельских районах, сокращение инфраструктурных объектов сферы культуры и досуга, медленное решение жилищной проблемы и низкое качество услуг жилищно-коммунальной сферы.

Одним из факторов этих негативных изменений является сокращение в ряде субъектов РФ, в частности Северо-Западного федерального округа, доли расходов в консолидированном бюджете на образование, здравоохранение, культуру.

Например, доля расходов на образование в консолидированном бюджете субъекта РФ в период с 2012 по 2018 год в Республике Карелия снизилась с 29,0 % до 26,2 %; в Калининградской области с 24,0 % до 12,4 %. Доля расходов на здравоохранение за это же время в консолидированном бюджете, например, Республики Карелия сократилась с 15,9 % до 6,2 %, в Республике Коми с 18,4 % до 8,0 %; в Ленинградской области с 16,0 % до 10,4 %. Лишь в Санкт-Петербурге был отмечен рост с 11,1 % до 13,1 %. Резко снизилась в консолидированном бюджете Калининградской области доля расходов на культуру: с 2,6 % до 1,4 %.

Дефицит услуг социального сектора, предоставляемых населению за счет бюджетных средств, стал восполняться платными услугами негосударственных организаций социального сектора экономики, что неизбежно привело к росту расходов домохозяйств эти услуги.

Анализ динамики удельных расходов домохозяйств на услуги, например, системы образования, показал, что в период с 2012 по 2018 года, они выросли в целом по Северо-Западному федеральному округу с 3,03 тыс. руб./чел. до 4,73 тыс. руб./чел. Удельные расходы домохозяйств на услуги системы здравоохранения выросли с 3,46 тыс. руб./чел. до 6,48 тыс. руб./чел. Особенно был заметен рост удельных расходов домохозяйств на услуги системы ЖКХ: с 14,22 тыс. руб./чел. до 22,01 тыс. руб./чел.

Структурные сдвиги в бюджетных расходах на услуги социального сектора экономики регионов не могли не отразиться на человеческом капитале, на степени его соответствия требованиям современной, в том числе цифровой экономики.

В этой связи важнейшим объектом исследования должен стать социальный сектор экономики региона, который играет ключевую роль в формировании человеческого капитала. Именно от развития социального сектора экономики, эффективности механизмов его функционирования, определяющих доступность и качество социальных услуг, зависит воспроизводство человеческого капитала, его свойства и качество. Предметом анализа должна стать структура этого сектора с точки зрения его отраслевой конфигурации, источников, объемов и направлений финансирования, видов и качества услуг, оказываемых за счет бюджетных средств и на платной основе для населения.

Развитие социального сектора, его государственной и негосударственной составляющей, формирование эффективных механизмов регулирования системы платных услуг населению, развитие социальной инфраструктуры, в том числе на принципах государственно-частного партнерства, создание в целом благоприятной среды обитания должно стать важнейшим направлением новой региональной социальной политики. В этой связи актуализируются вопросы комплексного исследования фундаментальных проблем развития социального сектора экономики регионов России, выявления тенденций и закономерностей его функционирования, обоснование эффективных направлений и механизмов регулирования как государственной, так и негосударственной составляющей этого сектора.

Ситуация в социальном секторе российских регионов определяет сегодня не только динамику социального развития, эффективность решения социальных проблем, темпы роста качества жизни населения, но и экономический рост в целом, развитие инноваций, успешность реализации процесса перехода к цифровой экономике, которая всецело зависит от состояния человеческого капитала. В этой связи возникает необходимость разработки теоретико-методологических основ стратегического управления развитием социального сектора экономики регионов России, определения ключевых направлений и механизмов его эффективного

функционирования и развития в условиях научно-технологической модернизации и перехода к цифровой экономике в контексте влияния на развитие человеческого капитала.

Одним из приоритетных стратегических направлений развития экономики регионов России является цифровизация экономики, формирование цифрового информационного общества. Цифровизация экономики и общества существенным образом влияет на условия и уровень жизни населения, условия труда, ситуацию в сфере занятости в целом. Решение вопросов социального развития в цифровом обществе во многом определяется уровнем использования, а главное, готовности к использованию, новых технологий, готовности общества, в первую очередь, экономически активного населения, включаться в использование цифровых технологий, работать с цифровыми данными.

В настоящее время отмечается диспропорция в темпах развития технологий, объемах роста и масштабах распространения информации, с одной стороны, и возможностями людей в освоении и применении этих знаний, с другой. Государственное регулирование процессов в социальном секторе экономики может помочь преодолеть эти диспропорции и не только способствовать решению многих социальных проблем, но и дать мощный импульс экономическому росту в регионах России.

Центральной проблемой исследования социального сектора экономики должна стать, как представляется, теоретическая и методологическая интерпретация закономерностей развития государственной и негосударственной составляющих этого сектора, их соотношение и роль в формировании социально ориентированной модели цифровой экономики в регионах России, развитии человеческого капитала, отвечающего потребностям этой экономики, инновационной и технологической модернизации общества в целом.

Очевидно, что такие исследования должны проводиться поэтапно. Главной целью исследований первого этапа должно стать развитие теоретических положений анализа содержания и структуры социального сектора экономики региона. В первую очередь, речь должна идти об обосновании элементного состава социального сектора экономики региона. Одновременно должна решаться задача выявления тенденций и закономерностей трансформации социального сектора экономики региона под влиянием научно-технологической модернизации и в контексте перехода к цифровой экономике. Акцент должен быть сделан на оценку влияния трансформационных процессов в социальном секторе на сферу труда, формирование человеческого капитала, социальную защищенность отдельных категорий населения.

На втором этапе исследований целесообразно приступить к разработке и обоснованию приоритетов стратегического развития социального сектора в условиях научно-технологической модернизации и перехода к цифровой экономике. Здесь важно определить основные направления развития социального сектора как фактора устойчивого развития региона. В связи с этим, необходимо проведение исследований влияния трансформационных процессов в социальном секторе, включая демографические тенденции, на формирование новых форм человеческого капитала (в том числе сетевых), на их использование в цифровой экономике, формирование цифрового сегмента регионального рынка труда [6].

Завершаться исследования должны выходом на разработку теоретических положений и организационно-экономических механизмов регулирования стратегического развития социального сектора экономики в условиях научно-

технологической модернизации и перехода к цифровой экономике. Должны быть определены и обоснованы принципы и алгоритмы определения целевых ориентиров развития социального сектора, обеспечивающие устойчивое функционирование региональных социально-экономических систем и инновационное развитие приоритетных видов экономической деятельности.

Решая одни и те же задачи социальной направленности, государственные и негосударственные организации имеют одновременно разные детерминанты деятельности. В отличие от государственных учреждений деятельность негосударственных организаций, оказывающих такие же социальные услуги, детерминирована, в первую очередь, интересами получения прибыли, коммерческими интересами. В то же время, государственные организации (образования, здравоохранения, культуры и пр.) также наделены в настоящее время правом оказания платных услуг населению, что тоже влияет на стратегию их деятельности.

Основными объектами анализа в такой ситуации должны выступать такие базовые отрасли социального сектора экономики как образование, здравоохранение, культура, жилищно-коммунальное хозяйство и система социальной защиты населения. При этом акцент в исследованиях должен быть сделан, в первую очередь, на проблеме формирования в социальном секторе институциональных условий, организационных и финансовых механизмов, обеспечивающих развитие особых свойств человеческого капитала, компетенций работника, необходимых для цифровой экономики.

Готовность работника в последующем к реализации этих компетенций должна исследоваться во взаимосвязи с институциональными условиями и инфраструктурным потенциалом социального сектора, его возможностей осуществлять эффективные инвестиции в человеческий капитал. При этом, важно осуществлять межрегиональные сравнения показателей реализации ключевых направлений социальной политики, программ развития профессионального образования, развития внутрифирменной подготовки кадров, расходов домохозяйств на услуги учреждений культуры, расходы на ЖКХ и пр.

В методологическом плане исследование социального сектора экономики региона должно опираться на базовые концепты теории региональной экономики, положения неинституциональной теории, теории инновационного развития и концепции диффузии инноваций, теории человеческого и социального капитала; теории межсекторного взаимодействия, концепции устойчивого развития.

Основными методами исследования в этой связи должны стать статистические методы, сравнительный анализ, метод сценариев, экспертные методы, а также:

- системный подход – изучение функционирования и развития социального сектора экономики региона как взаимосвязанных процессов развития отдельных подсистем в системе «экономика-общество»;

- функциональный подход – исследование тенденций и явлений, происходящих в социальном секторе, механизмов финансирования, функционирования и взаимодействия экономических субъектов государственной и негосударственной собственности, оценка доступности и качества их услуг для населения;

- институциональный подход – изучение институтов, качества институциональной среды, институциональных условий, определяющих функционирование и развитие социального сектора экономики региона, условия для

повышения качества оказываемых социальных услуг, их влияния на рост человеческого капитала;

- деятельностный подход – исследование динамики развития социального сектора экономики как процесса, осуществляемого на различных уровнях управления, состоящего из определённых стадий, этапов и т.д., как особого объекта управления и вида деятельности, оказывающей влияние на качество жизни населения, человеческий капитал и конкурентоспособность региональной экономики;

- нормативно-ценностный подход – исследование значимости отдельных сегментов социального сектора экономики региона для различных категорий населения, оценка ценностных приоритетов населения в системе выбора образовательных и жизненных стратегий, определяющих качество человеческого капитала.

В качестве важнейшего научного результата первого этапа исследований должна стать расширенная теоретическая интерпретация исследовательской категории «социальный сектор экономики региона». Обоснование тенденций и закономерностей его функционирования и развития в условиях научно-технологической модернизации и цифровизации общества.

Эти результаты должны содержать:

- обоснование элементной структуры социального сектора экономики региона: государственных и негосударственных организаций оказания социальных услуг, субъектов управления развитием социального сектора экономики региона, в том числе в системе образования, здравоохранения, культуры, ЖКХ и пр.;

- определение тенденций развития институциональной (нормативно-правовой) и инфраструктурной составляющей основных сегментов социального сектора экономики: системы образования, здравоохранения, культуры, ЖКХ и пр.;

- выявление и интерпретацию системных проблем развития социального сектора экономики регионов России, рисков и угроз в контексте их влияния на формирование человеческого капитала, в том числе человеческого капитала для цифровой экономики;

- определение демографических тенденций, обусловленных состоянием развития отраслей социального сектора экономики региона, влияющих на человеческий капитал, его свойства, необходимые для цифровой экономики;

- обоснование институтов развития социального сектора экономики применительно к условиям субъектов Российской Федерации.

На втором этапе основным научным результатом исследования должен быть разработанный перечень приоритетов и стратегических направлений развития социального сектора экономики региона в условиях научно-технологической модернизации и перехода к цифровой экономике.

Эти результаты должны содержать:

- характеристику процессов и факторов влияния социального сектора экономики региона на развитие человеческого капитала, оценку влияния деятельности государственных и негосударственных организаций, функционирующих в этом секторе экономики региона;

- обоснование направлений влияния на человеческий капитал процессов, идущих в социальном секторе экономики регионов России, включая процессов в системе образования, здравоохранения, культуры, ЖКХ и пр.;

- определение механизмов влияния социального сектора экономики на человеческий капитал, оценку негативных и позитивных последствий этого влияния на основе данных статистического наблюдения и социологических опросов населения;

- оценку используемых государством механизмов финансирования (прямого и опосредованного) организаций социального сектора экономики региона, эффективности этих механизма с позиций формирования человеческого капитала цифровой экономики;

- обоснование приоритетов и стратегических направлений развития социального сектора экономики региона в условиях научно-технологической модернизации и перехода к цифровой экономике.

На третьем этапе исследований основным научным результатом исследования должны стать рекомендации по формированию механизма управления развитием социального сектора экономики региона, определению целей и институциональному обеспечению реализации целей стратегического развития социального сектора экономики региона в контексте формирования человеческого капитала цифровой экономики.

Эти результаты должны включать:

- обоснование содержания, структуры, целей, приоритетов, механизмов реализации целей и основных направлений развития социального сектора экономики региона в условиях перехода к цифровой экономике;

- теоретико-методологические основы регулирования социального сектора экономики региона для целей развития человеческого капитала цифровой экономики;

- методические рекомендации по формированию в стратегиях социально-экономического развития субъектов российской федерации разделов, посвященных управлению развитие социального сектора экономики региона.

Комплексные исследования проблематики социального сектора экономики регионов не только внесут вклад в развитие экономической теории, теории региональной экономики, но и позволят получить важные практико-ориентированные результаты. Они будут включать:

- практические рекомендации органам управления регионального и муниципального уровня по структурным преобразованиям в социальном секторе экономики, обеспечивающим развитие необходимых для цифровой экономики свойств человеческого капитала;

- практические рекомендации органам управления регионального и муниципального уровня по институциональному обеспечению функционирования социального сектора экономики региона, в том числе деятельности негосударственных организаций, оказывающих платные услуги населению в системе образования, здравоохранения культуры, ЖКХ и пр.;

- обоснование приоритетных форм и методов инвестирования в развитие человеческого капитала для использования государственными и негосударственными организациями этого сектора;

- рекомендации по определению среднесрочных и краткосрочных целей развития социального сектора экономики региона с учетом возможностей и структурны консолидированного бюджета соответствующего региона;

• рекомендации по формированию государственных программ развития предпринимательства в социальном секторе экономики региона, механизмов поддержки предпринимательства в этом секторе.

Главным итогом исследования проблематики социального сектора экономики регионов России станет новое видение решения стратегических задач формирования человеческого капитала, необходимого для современной цифровой экономики, курс на развитие которой приняла наша страна.

Литература

1. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Пер. с 14-го англ. Изд. – М.: ИНФРА-М, 2003. XXXVI, - 972 с. Т. 2. С-4.
2. Антонова Н.Б. Государственное регулирование экономики: Учебник / Антонова Н.Б. - Мн: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2002. - 775 с.
3. Алехин Э.В. Государственный и муниципальный сектор экономики в Российской Федерации. Пензенский государственный университет. Пенза. 2011. - 102 с.
4. Ошуркова Т.Г. Социальный сектор экономики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://center-yf.ru/data/economy/socialnyu-sektor-ekonomiki.php>. Дата обращения: 31.01.2020.
5. Общественный сектор экономики, его ресурсы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zinref.ru/000_uchebniki/02800_logika/011_lekcii_-raznie_54/1272.htm. Дата обращения: 31.01.2020.
6. Иванов С.А., Светлов К.В. Сетевые модели человеческого капитала в цифровой экономике. // Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала: Вузовско-академический сборник научных трудов. Выпуск №2 (18) / Под редакцией В.И. Сигова и С.В. Кузнецова. - СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. с. 77-85

УДК 332.1; 336.02

Иванов С.А.

СФЕРА КУЛЬТУРЫ В СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Одним из важнейших показателей оценки реализации национального проекта «Культура» является количество посещений учреждений культуры» [1] – напомнила заместитель Министра культуры РФ О.Ярилова на заседании рабочей экспертной группы по осуществлению парламентского контроля за реализацией национального проекта «Культура» Комитета Государственной Думы РФ по культуре. Проблемам развития сферы культуры в нашей стране, действительно, уделяется все больше внимания, причем, не только в рамках национальных проектов.

Летом 2020 года Президент страны утвердил своим Указом пять «национальных целей» [2]. В рамках реализации одной из них - «Возможности для самореализации и развития талантов» предусмотрено «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций», а так же в срок до 2030 года «увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза по сравнению с показателем 2019 года» [2]. Отметим также, что главной целью национального проекта «Культура» является обеспечение ее доступности «не только в крупных городах, но и в

отдаленных населенных пунктах по всей стране» [3], а в соответствии с паспортом этого национального проекта основным целевым показателем является «рост посещаемости учреждений культуры на 15%, числа обращений к культурным цифровым ресурсам в пять раз» [4, с.2].

Встает вопрос: в какой мере и за счет чего могут быть достигнуты эти целевые ориентиры?

Чтобы оценить перспективы реализации масштабных планов стоит рассмотреть параметры и динамику финансирования культуры, например, в регионах Северо-Западного федерального округа. Этот выбор тем более актуален, что, как отметила в ходе мониторингового совещания по реализации мероприятий национального проекта «Культура» в СЗФО О. Ярилова, в субъектах Северо-Западного федерального округа (СЗФО) показатель прироста посещаемости учреждений культуры по итогам 2019 года был перевыполнен только на 4,5%, а по стране в целом - на 7,4% [5].

В этой связи возникает, очевидно, необходимость более внимательно проанализировать, как осуществлялось финансирование культуры до постановки Президентом России новых национальных целей, какую роль в этом играли консолидированные бюджеты регионов, сколько расходовало на эти цели само население.

Анализ расходов консолидированного бюджета субъектов РФ, входящих в состав СЗФО, показывает, что доля расходов на «культуру» в 2018 года составила 3,5 % от общего объема бюджетных расходов в округе (рисунок 1).

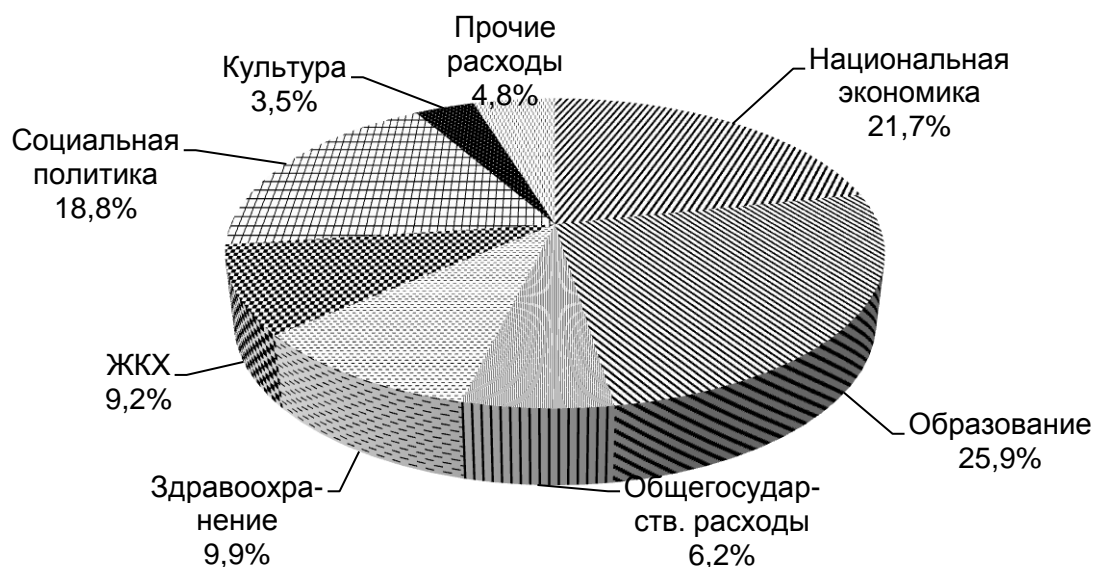

Рисунок 1. Структура расходов консолидированного бюджета субъектов Северо-Западного федерального округа в 2018г., %

Источник: Рассчитано автором по [6].

При этом анализ структуры расходов консолидированного бюджета отдельных регионов СЗФО, ее динамики показывает, что не только удельный вес расходов на культуру в каждом регионе был разный (в отдельных случаях он различался в два-три раза), но в каждом из этих субъектов РФ была еще и разная динамика доли этих расходов.

Так, если в целом по всем субъектам СЗФО доля расходов на культуру в консолидированном бюджете округа составляла в 2018 году 3,5 %, то, например, в

Ленинградской области доля расходов по этой статье была на уровне 4,1 %, а в Калининградской области в три раза меньше - 1,4 %.

Существенно различались и тренды бюджетных расходов на культуру в субъектах РФ Северо-Запада России.

Так, в Архангельской области доля расходов на культуру в консолидированном бюджете региона в период с 2012 г. по 2018 г. выросла в полтора раза: с 2,7 % до 4,1 %. В Вологодской области доля этих расходов почти не изменилась – рост составил 0,2 процентных пункта (с 3,0 % в 2012 г. до 3,2 % в 2018 г.). А вот в Калининградской области удельный вес расходов на культуру в консолидированном бюджете региона за это время упал почти в два раза, сократившись с 2,6 % до 1,4 %. При этом наблюдалась неустойчивость динамики доли бюджетных расходов на культуру в этом субъекте РФ. Вплоть до 2015 г. она росла. Однако, достигнув в 2015г. рекордного для всех регионов Северо-Запада России значения в 4,9 %, резко пошла на спад, сократившись опять же до рекордно низкого уровня.

Общим трендом для СЗФО в целом в период с 2012 г. по 2018 г. был рост удельного веса расходов на культуру в структуре консолидированного бюджета макрорегиона: соответственно, с 3,0 % до 3,5 % (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика удельного веса расходов на культуру в консолидированном бюджете субъектов Северо-Западного федерального округа, %

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
СЗФО	3,0	3,1	3,2	3,3	3,0	3,4	3,5
Республика Карелия	2,4	2,9	3,1	3,4	2,6	2,7	3,0
Республика Коми	2,7	3,3	3,3	2,9	2,9	3,5	3,8
Архангельская область	2,7	3,2	3,1	3,1	3,0	3,6	4,1
Вологодская область	3,0	2,9	3,2	3,0	2,8	3,2	3,2
Калининградская область	2,6	2,8	3,9	4,9	2,1	1,3	1,4
Ленинградская область	3,1	3,7	3,7	3,7	3,6	3,9	4,1
Мурманская область	3,0	3,2	3,8	3,6	3,9	4,1	4,3
Новгородская область	3,5	2,7	3,1	3,2	3,1	3,5	3,8
Псковская область	2,9	3,8	2,8	2,7	2,9	3,1	3,2
Санкт-Петербург	3,1	2,9	3,1	3,1	3,0	3,6	3,5

Источник: Рассчитано автором по [6].

Изменение в консолидированном бюджете регионов доли расходов на культуру сопровождалось изменением и абсолютной величины расходов по этой статье в расчете на одного жителя.

В целом, по всем субъектам Северо-Западного федерального округа, доля расходов на культуру из консолидированного бюджета с 2012 г. по 2018 г. увеличилась в 1,7 раза: соответственно, с 1,9 тыс. руб./чел. до 3,3 тыс. руб./чел. При этом динамика этих удельных бюджетных расходов была в целом для округа линейной, поступательной. Однако, что касается, регионов Северо-Запада, то в каждом из них динамика этого показателя была разной.

Так, например, в Мурманской области, удельные расходы консолидированного бюджета на культуру за рассматриваемый период увеличились более, чем в два раза: с 2,2 тыс. руб./чел. до 4,7 тыс. руб./чел. Схожая динамика была также в Ленинградской области (увеличение с 1,6 тыс. руб./чел. до 3,4 тыс. руб./чел.), а также в Архангельской области (увеличение с 1,9 тыс. руб./чел. до 4,0 тыс. руб./чел.)

В то же время, например, в Новгородской области рост составил лишь 28 % (с 1,8 тыс. руб./чел. до 2,3 тыс. руб./чел.), в Калининградской области – 29 % (с 1,4 тыс. руб./чел. до 1,8 тыс. руб./чел.). При этом в Калининградской области удельные расходы консолидированного бюджета на культуру с 2012г. по 2015г. сначала взлетели более, чем в два с половиной раза (до 3,6 тыс. руб./чел.), затем также стремительно упали: к 2018 г. - в два раза (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика удельных расходов на культуру из консолидированного бюджета субъектов Северо-Западного федерального округа, тыс. руб./чел.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
СЗФО	1,9	2,1	2,4	2,5	2,5	3,0	3,3
Республика Карелия	1,3	1,6	1,9	2,1	1,7	1,9	2,5
Республика Коми	2,1	2,8	3,0	2,6	2,7	3,3	3,9
Архангельская область	1,9	2,6	2,7	2,7	2,6	3,2	4,0
Вологодская область	1,4	1,4	1,6	1,5	1,5	1,8	2,1
Калининградская область	1,4	1,6	2,5	3,6	1,9	1,5	1,8
Ленинградская область	1,6	2,1	2,2	2,5	2,7	3,1	3,4
Мурманская область	2,2	2,6	3,3	3,2	3,6	4,0	4,7
Новгородская область	1,8	1,5	1,6	1,6	1,7	2,0	2,3
Псковская область	1,3	1,9	1,4	1,2	1,4	1,6	1,8
Санкт-Петербург	2,4	2,3	2,6	2,6	2,9	3,8	3,8

Источник: Рассчитано автором по [6].

Снижение бюджетных расходов на культуру неизбежно привело к росту расходов по этой статье у населения.

Как показал анализ статистики платных услуг, удельные расходы домохозяйств на культуру (в рублях на одного жителя региона) с 2012 г. по 2018 г. в регионах СЗФО выросли в полтора раза: с 1,29 руб./чел. до 1,96 тыс. руб./чел.

Ощутимее всего удельные расходы населения на услуги сферы культуры в рассматриваемый период выросли в Калининградской области (почти в два раза): с 0,61 тыс. руб./чел. до 1,18 тыс. руб./чел., Вологодской области (тоже почти в два раза): с 0,39 тыс. руб./чел. до 0,76 тыс. руб./чел. и Мурманской области (почти в два с половиной раза): с 0,46 тыс. руб./чел. до 1,13 тыс. руб./чел.

В то же время, например, в Новгородской области рост удельных расходов населения на культуру составил лишь 20 % (с 0,54 тыс. руб./чел. до 0,65 тыс. руб./чел.), а в Псковской области они вообще снизились: с 0,83 тыс. руб./чел. до 0,69 тыс. руб./чел., соответственно.

При этом лидерами по абсолютной величине расходов населения на культуру стали в 2018 г. вовсе не северные регионы, а Санкт-Петербург и Калининградская область. А как отмечалось выше, именно в Калининградской области расходы на культуру из консолидированного бюджета региона упали в 2018 году до рекордно низкого уровня по сравнению с расходами во всех других субъектах СЗФО.

Что касается Санкт-Петербурга, то в Северной столице удельные расходы населения на оплату услуг сферы культуры в 2018 году составили 3,89 тыс. руб./чел., что в два раза больше, чем в среднем по всем субъектам РФ Северо-Западного федерального округа и в восемь раз больше, чем в соседней Ленинградской области (таблица 3).

Таблица 3 – Динамика удельных расходов населения на оплату услуг сферы культуры в субъектах Северо-Западного федерального округа, тыс. руб./чел.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
СЗФО	1,29	1,47	1,50	1,64	1,76	1,82	1,96
Республика Карелия	0,46	0,52	0,52	0,56	0,67	0,73	0,77
Республика Коми	0,34	0,64	0,57	0,56	0,56	0,59	0,59
Архангельская область	0,48	0,71	0,77	0,77	0,89	0,78	0,81
Вологодская область	0,39	0,47	0,55	0,64	0,70	0,72	0,76
Калининградская область	0,61	0,64	0,72	0,86	1,11	1,14	1,18
Ленинградская область	0,29	0,35	0,35	0,38	0,41	0,43	0,48
Мурманская область	0,46	0,89	0,93	0,91	0,98	1,05	1,13
Новгородская область	0,54	0,61	0,72	0,79	0,84	0,68	0,65
Псковская область	0,83	0,55	0,61	0,64	0,63	0,64	0,69
Санкт-Петербург	2,73	2,98	2,99	3,27	3,46	3,57	3,89

Источник: Рассчитано автором по [6, 7].

Разнонаправленные тренды расходов на культуру из консолидированного бюджета субъектов СЗФО ставит население этих регионов в неравные условия, в том числе обуславливает неодинаковые возможности для достижения целевых ориентиров, заложенных в «июльском» указе Президента России о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Расчеты показывают, что даже в соседних регионах соотношение бюджетных расходов и расходов населения на культуру в расчете на человека могут различаться в несколько раз.

Так, в целом по всем регионам СЗФО платные услуги сферы культуры в 2018 г. в расчете на одного человека составили 59,4 % от удельных бюджетных расходов по этой статье. То есть расходы домохозяйств на культуру в расчете на одного жителя

региона составляли примерно 60 % от расходов на эти цели из бюджета. Однако при этом наблюдались значительные различия по субъектам РФ (таблица 4).

Таблица 4 – Динамика доли удельных расходов населения на оплату услуг сферы культуры от величины расходов на культуру из консолидированного бюджета субъекта РФ в расчете на одного жителя, %

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
СЗФО	67,9	70,0	62,5	65,6	70,4	60,7	59,4
Республика Карелия	35,4	32,5	27,4	26,7	39,4	38,4	30,8
Республика Коми	16,2	22,9	19,0	21,5	20,7	17,9	15,1
Архангельская область	25,3	27,3	28,5	28,5	34,2	24,4	20,3
Вологодская область	27,9	33,6	34,4	42,7	46,7	40,0	36,2
Калининградская область	43,6	40,0	28,8	23,9	58,4	76,0	65,6
Ленинградская область	18,1	16,7	15,9	15,2	15,2	13,9	14,1
Мурманская область	20,9	34,2	28,2	28,4	27,2	26,3	24,0
Новгородская область	30,0	40,7	45,0	49,4	49,4	34,0	28,3
Псковская область	63,9	29,0	43,6	53,3	45,0	40,0	38,3
Санкт-Петербург	113,8	129,6	115,0	125,8	119,3	94,0	102,4

Источник: Рассчитано автором по [6, 7].

В Санкт-Петербурге расходы населения на платные услуги сферы культуры в расчете на одного жителя города составляли почти такую же сумму, что и расходы консолидированного бюджета (102,4 %). В то же время, в соседней Ленинградской области население расходовало на культуру в расчете на одного человека в семь раз меньше, чем отпускал на эти цели консолидированный бюджет региона (14,1 %).

В соседнем с Ленинградской областью регионом - Псковской областью удельные расходы населения на культуру составляли 38,3 % от того, что давал консолидированный бюджет Псковской области на эти цели в расчете на одного жителя. Это в два и семь десятых раза больше, чем в Ленинградской области.

Существенно различались в субъектах СЗФО в рассматриваемый период и тренды изменения соотношения расходов на культуру из консолидированного бюджета и личных средств населения.

В Республике Карелия, Республике Коми, Архангельской области, Ленинградской области, Новгородской области, Псковской области, а также в Санкт-Петербурге доля удельных расходов населения на платные услуги сферы культуры в соотношении с расходами из консолидированного бюджета региона в расчете на одного человека за период с 2012г. по 2018г. снизилась. Например, в Псковской области – более чем в полтора раза: с 63,9 % до 38,3 %.

В то же время, в Вологодской области, Калининградской области, Мурманской области величина этого показателя, наоборот, выросла. Причем в Вологодской области рост составил 30 %, а в Калининградской области – 50 %.

Таким образом, подводя итог краткому анализу трендов в финансировании культуры из консолидированного бюджета субъектов РФ в сравнении с платными услугами населению по этой же статье, можно констатировать, что в регионах наблюдается высокая степень различия в условиях предоставления этих услуг. А это означает, что сохраняются неравные условия для жизни населения этих регионов.

Данное обстоятельство должно обязательно учитываться, прежде всего, при разработке и актуализации стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, в данном случае Северо-Запада России.

Проблему частичного выравнивания степени доступности бесплатных услуг сферы культуры в разных регионах можно, вероятно, решить при разработке стратегии развития макрорегиона «Северо-Запад» в целом. Но основную роль в этом, как представляется, должны сыграть национальные проекты, в том числе мероприятия, предусмотренные на реализацию национальных целей развития Российской Федерации, определенных Президентом России в июле 2020 года. Инструментом решения проблемы выравнивания условия проживания людей в разных регионах, в том числе в части финансирования услуг системы культуры, может стать также более обоснованная региональная бюджетная политика, учитывающая сложившуюся дифференциацию в финансировании этих услуг.

Литература

1. Минкультуры: в 2019 году в России на 15% выросло количество посещений учреждений культуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/culture/minkultury-v-2019-godu-v-rossii-na-15-vyroslo-kolichestvo-poseshheniy-uchrezhdeniy-kultury.html>. Дата обращения: 01.09.2020.

2. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Российская газета – Федеральный выпуск № 159 (8213) от 22 июля 2020 г.

3. Национальный проект «Культура». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://futurerussia.gov.ru/kultura>. Дата обращения: 01.09.2020.

4. Паспорт национального проекта «Культура». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

5. Показатель прироста посещаемости учреждений культуры в рамках нацпроекта по итогам 2019 года перевыполнен на 7,4%. Официальные новости и публикации государственных органов власти Российской Федерации, государственных учреждений, ведомств, корпораций, компаний и проектов (Госновости.РФ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gov-news.ru/news/1038978>. Дата обращения: 01.09.2020.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 1204 с.

7. Платное обслуживание населения в России. 2019: Стат. сб./ П37 Росстат. – М., 2019. – 110 с.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Состояние социальной сферы является значимым фактором, обуславливающим развитие и функционирование всех областей жизнедеятельности общества. Обеспечивая удовлетворение все возрастающих потребностей общества (материальных, социальных, духовных и пр.) социальная сфера, ее состояние, создают необходимые условия для развития и функционирования ее важнейшей составляющей – здравоохранения.

Здравоохранение это одна из важнейших сфер жизнедеятельности общества, главной функцией которой является сохранение и укрепление здоровья населения. Оно не может рассматриваться без учета влияния всех социальных процессов, происходящих в общественном пространстве регионов, так как все критерии, используемые для оценки его состояния взаимосвязаны и взаимообусловлены. Показатели состояния здоровья населения влияют на качество жизни, формирование человеческого капитала и трудового потенциала.

Здоровье населения позволяет обеспечивать высокий уровень и качество жизни, сохранение человеческого капитала, способствует ослаблению и устранению возникающих негативных воздействий окружающей среды. Здравоохранительное пространство, обустроенное соответствующим образом, отвечающее потребностям населения – пространство, где можно получить необходимую медицинскую помощь, включая диагностику, лечение, реабилитацию, процедуры любой степени сложности, включая высокотехнологичную.

Состояние здравоохранения как социального института призвано обеспечивать и сохранять высокий уровень здоровья населения. Здоровье выступает в качестве предпосылки физического, психического и социального благополучия человека при котором отсутствуют заболевания и расстройства функций органов и систем человека.

Сфера здравоохранения – специфическая область общественной жизни, оказывающая огромное влияние на формирование и протекание не только социальных, но и экономических процессов. Здравоохранение как национальная система строится на ценностях здоровья. Поэтому основополагающим фактором, определяющим его состояние, выступает формальный и неформальный контроль механизмов и инструментов реализации целей сохранения здоровья как непреходящей ценности. Здравоохранение не может рассматриваться обособлено без учета состояния всей социальной сферы развития всех социальных процессов.

Таким образом, понимание тенденций и перспектив развития здравоохранения позволяет выявить возможные отклонения в системе институционального развития. Понимание этого приводит к осознанию закономерностей развития всей системы в целом. Необходимым условием организации эффективного процесса сохранения здоровья населения является получение достоверной, полной и своевременной информации о процессах, происходящих не только в социальной сфере, но и в других отраслях региональной экономики с позиции комплексной оценки состояния региона с тем, чтобы наметить план мероприятий, регулирующих воздействий, направленных на поддержку позитивных процессов и ослабление действий негативных тенденций.

При этом следует руководствоваться принципами, базирующимися на конкретности, измеримости, реалистичности, согласованности, непротиворечивости.

Начиная с 2000 годов отечественное здравоохранение пребывает в состоянии хронической оптимизации. Данный процесс происходит на фоне массовой ликвидации медицинских учреждений, постоянного сокращения штата работников, недостаточного финансирования, значительного нарастания платных услуг для населения, снижения качества и доступности медицинской помощи, и т.д.

Формирование оптимальной структуры здравоохранения осуществлялось не только путем ликвидации неэффективных учреждений, но и укрупнением действующих поликлиник и стационаров, а также резкого снижения койко-мест, что еще больше снизило доступность медицинской помощи. Снижение числа стационаров и койко-мест привело к невозможности лечения и реабилитации больных с тяжелыми осложнениями. Произошло перераспределение услуг: обследование для большинства больных в стационарах резко сократилось, а нагрузка на поликлиники существенно выросла (более чем на четверть). Ситуация с доступностью оказания медицинской помощи еще больше усложнилась как в стационарах, так и в поликлиниках. Одновременно с сокращением числа больниц значительно сократилось число станций скорой помощи (более чем на 20%).

На фоне сокращения больниц и укрупнения поликлиник выросло число обращений за медицинской помощью, выросла заболеваемость, увеличилось число хронических заболеваний и инвалидизации населения.

Показатели структурных изменений в здравоохранении (число медицинских организаций, число койко-мест на тыс. человек, численность медперсонала на тыс. человек населения, мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, число посещений, и др.) должны оцениваться с учетом качественных показателей здоровья населения, а также кадровой составляющей (обеспеченность персоналом, количество и качество подготовки, уровень квалификации, качество оказываемых услуг, и т.д.).

Внутри самой системы здравоохранения усилились процессы профессиональной мобильности кадров: сокращение числа работников в первичном звене приводит к перемещению персонала в частные клиники и стационары, в результате в государственных учреждениях образуется дефицит кадров. Тенденция перелива кадров обусловлена не только уровнем заработной платы, но и увеличением числа организаций, оказывающих медицинскую помощь на платной основе.

Анализ состояния системы здравоохранения в Северо-Западном федеральном округе свидетельствует о своевременности принятия мер по поддержке реализации национального проекта «Здравоохранение», на реализацию которого существенно увеличилось количество бюджетных ассигнований, что позволяет реализовать программы совершенствования оказания медицинской помощи населению.

Главными стратегическими целями в области здравоохранения являются укрепление и сохранение здоровья населения в каждом субъекте Российской Федерации, входящим в состав Северо-Западного федерального округа, на основе развития системы здравоохранения, формирования здорового образа жизни, использования новейших достижений медицинской науки, создания и сохранения научного потенциала, дальнейшего развития высокотехнологичной медицинской помощи, а также технологической платформы медицины будущего.

Для реализации программ модернизации отрасли предусматривается дальнейшее развитие семейной медицины как основы по оказанию медицинской помощи. Дальнейшее развитие получит финансирование, ориентированное на

результат, а также реформирование управления через введение системы менеджмента качества, реализация программ профилактики и лечения наиболее распространенных и социально значимых заболеваний, программы развития стационарозамещающих технологий, создание систем амбулаторных диагностических центров, специализирующихся на определенных заболеваниях. Для решения проблем требуется развитие потенциала амбулаторно-консультативных отделений стационаров, что позволит диагностировать болезни на ранних стадиях, обеспечить своевременное лечение и выздоровление населения, а также повысить доступность и качество диагностических услуг.

Особенность представленной модели реорганизации здравоохранения состоит в том, что она позволит компенсировать неравномерность развития амбулаторной медицинской помощи, обеспечит качество и доступность для населения по участково-территориальному принципу. Оптимизация структуры сети учреждений здравоохранения должна осуществляться в соответствии с прогнозируемой демографической ситуацией в СЗФО. В связи с ростом количества пожилых людей необходимо расширить сеть организаций, оказывающих паллиативную медицинскую помощь, в связи с чем, необходимо расширить участие медицинских организаций негосударственной формы собственности в оказании медицинской помощи населению в рамках территориальной программы государственных гарантий. Для усиления реабилитационной помощи необходимо развитие поликлинического этапа медицинской реабилитации.

Необходимым условием реализации программ модернизации здравоохранения является расширение государственно-частного партнерства: открытие новых офисов врачей общей практики, передача государственных учреждений в трастовое управление частным медицинским компаниям.

В последнее время существенно изменилось отношение власти к этой сфере. Она уже не рассматривается как второстепенная, которая требует постоянных затрат. Для повышения престижа профессии медицинского работника требуется не только повышение заработной платы, но признание ценности их труда. Необходимо уделить особое внимание целевой подготовке медицинских работников: совершенствовать систему подготовки, переподготовки, непрерывного образования, дополнительного профессионального образования врачей среднего медицинского персонала. Серьезного внимания требует создание единой информационной базы здравоохранения, включающей расширение электронной записи на прием к врачу, ведение электронной медицинской карты и электронной истории болезни с обеспечением их стандартизации и унификации, ведение документооборота в электронном виде, информирование населения по медицинским вопросам.

Реализация этих программ совершенствования системы здравоохранения позволит обеспечить увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2030 году до 78 лет, уменьшить смертность от всех причин на 1000 человек до 11,3 промилле, довести соотношение врачей и среднего медицинского персонала к 2030 году 1:35.

Развернувшаяся модернизация здравоохранения требует тщательного контроля осуществления выборочных наблюдений по многим показателям доступности медицинской помощи для населения таких как: время ожидания приема в поликлинике, время ожидания диагностических исследований в поликлиниках и диагностических центрах, сроки ожидания госпитализации в стационары, ожидания высокотехнологичной медицинской помощи, время прибытия скорой помощи, удаленность медицинских учреждений от населенных пунктов, и т.п. Реализация

национального проекта развития здравоохранения требует целенаправленного, углубленного сбора данных, отраженных в статистике:

- численность населения, проживающего на территории, примыкающей к медицинскому учреждению;
- численность населения, имеющего хронические заболевания;
- уровень удовлетворенности населения количеством и качеством медицинской помощи;
- соответствие предоставляемых услуг сложившейся структуре потребностей;
- объем бюджетного финансирования;
- полная и достоверная информация о состоянии экологической обстановки на прилегающей территории;
- техническая оснащенность территории для занятия спортом;
- распространенность сети учреждений профилактической направленности сохранения здоровья населения;
- наличие информационных материалов о практиках сохранения и укрепления здоровья в широком доступе о существующих практиках и способах.

Реализация национальной программы развития здравоохранения России является сложным и многоуровневым процессом. Технология его реализации состоит из целого ряда взаимосогласований по использованию комплекса мероприятий, методов, приемов, подходов, и т.п. и направлена на достижение главной цели – сохранение здоровья населения в условиях усиливающейся трансформации пространства. Все эти усилия направлены на решение тактической задачи оперативного реагирования экономической системы здравоохранения и ее структурных элементов на вызовы внешней среды. Важнейшей функцией государства является сохранение определяющей роли финансирования сферы здравоохранения.

Основным источником финансирования здравоохранения остаются бюджетные средства, сформированные на качественно новой основе – с ориентацией на пациента (ибо парадигма развития – пациентоориентированное здравоохранение). Оно включает гарантированный объем бесплатного, доступного, качественного медицинского обслуживания. Дополнительными источниками финансирования могут стать инвестиции, средства некоммерческих объединений и организаций спонсорские средства, а также различного рода пожертвования. Нетрадиционными источниками могут служить перечисление средств предприятий, фирм, за оказание дополнительной медицинской помощи, расширение перечня услуг, перечисление части средств фонда социального страхования, сэкономленного за счет снижения с временной утратой трудоспособности, и т.д.

Для успешной реализации всех намеченных мероприятий важно обеспечить устойчивое взаимодействие всех задействованных субъектов. С целью координации усилий и реализации политики сохранения здоровья населения был создан межведомственный Совет по общественному здоровью в состав, которого вошли представители власти всех уровней, представители общественности и бизнеса. Основной целью деятельности этого общественного института является содействие реализации Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактика и контроль неинфекционных заболеваний до 2025 года, снижения смертности и роста заболеваемости.³

³ Стратегия развития здравоохранения РФ до 2030 года.

Преобразования часто оказывались нерациональными, без учета потребностей населения, в итоге институциональная система здравоохранения еще более расшатывалась, не отвечала требованиям общества.

Для решения тех или иных практических задач необходимо также опираться на данные мониторинга состояния процессов, протекающих в общественной жизни. Технология осуществления мониторинга имеет свою специфику: требуется непрерывное наблюдение состояния исследуемых объектов, периодичность снятия информации об объектах.

Сейчас крайне важно разобраться с определением ресурсов здравоохранения и определить возможности субъектов для усиления потенциалов дальнейшего развития системы.

УДК 364.6

Скворцова М. Б.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ

Социальный контракт появился в XX веке в США, когда государство решило, что бедным гражданам страны надо не просто предоставлять социальную помощь (в денежном или натуральном эквиваленте), а заставить их взять на себя встречные обязательства. Данное направление получило развитие во времена Великой депрессии. Так, для получения помощи американские граждане должны были выполнять обязательные общественные работы.

В Российской Федерации социальный контракт появился в начале 2000-х годов сразу в нескольких регионах – в г. Сыктывкар и г. Пермь.

В 2003-2005 годах в трех регионах России (Республика Коми, Тульская и Ростовская области) в рамках проекта ТАСИС «Реформа системы социальной защиты в Российской Федерации» отработывалась методология введения системы социального контракта на базе опыта Франции. Работа проводилась в соответствии с соглашением между Правительством РФ и Комиссией Европейских Сообществ, а координатором и активным участником проекта с российской стороны выступало Министерство здравоохранения и социального развития РФ [1].

Законодательно в Российской Федерации социальный контракт был закреплен в 2012 г. в ФЗ «О государственной социальной помощи». С 2010 г. он существовал в качестве пилотного проекта.

Сущность социального контракта состоит в том, что в обмен на социальную помощь, предоставляемую в денежной или натуральной форме, а также в форме социальных услуг у получателей помощи возникают встречные обязательства. Предполагается, что исполнение данных обязательств будет способствовать активизации человеческого потенциала граждан и их семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также повышению социальной ответственности граждан и снижению иждивенческого настроения.

Технология социального контракта нацелена на активизацию человеческого потенциала, а точнее на его реализацию. К мероприятиям, которые включаются в программу индивидуальной социальной адаптации (программа разрабатывается в обязательном порядке для каждого нуждающегося и является неотъемлемой частью

социального контракта), согласно федеральному закону относят:

- 1) поиск работы;
- 2) прохождение профессионального обучения и дополнительного профессионального образования;
- 3) осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности;
- 4) ведение личного подсобного хозяйства;
- 5) осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации.

Интерес государства к данному инструменту борьбы с бедностью отражен в Постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан», подпрограмма 1 «Обеспечение мер социальной поддержки отдельных категорий граждан».

К двум из пяти целевых индикаторов и показателей подпрограммы 1 «Обеспечение мер социальной поддержки отдельных категорий граждан» государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» отнесены:

доля малоимущих граждан, получивших государственную социальную помощь на основании социального контракта, в общей численности малоимущих граждан, получивших государственную социальную помощь;

доля граждан, преодолевших трудную жизненную ситуацию, в общей численности получателей государственной социальной помощи на основании социального контракта.

Данный факт подчеркивает интерес государства к внедрению этого механизма в субъектах РФ. Его рассматривают как относительно новую форму социальной поддержки граждан.

Регионы начали реализовывать социальный контракт за счет собственных средств с 2013 года. Так, в 2017 году средний размер помощи составил 38,2 тысячи рублей и 41,7 процента получателей поддержки вышли из бедности [2].

В 2019 году это направление получило еще одну существенную поддержку. Президент РФ, который в Послании Федеральному собранию подчеркнул необходимость существенно расширить механизм использования социальных контрактов для борьбы с бедностью [2]. Однако не все регионы могут воплотить в жизнь данный вид поддержки. В связи с этим в 2020 году из федерального бюджета субъектам Российской Федерации предусмотрено предоставление субсидий в размере 7 млрд рублей на софинансирование расходов по реализации мероприятий, направленных на оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта, участвующим в реализации пилотного проекта [3]. В пилотном проекте принимают участие республики – Мордовия, Татарстан, Коми, Башкортостан, Марий Эл, Тыва, Алтай, Удмуртская, Чувашская, Кабардино-Балкарская и области - Вологодская, Саратовская, Нижегородская, Томская, Ивановская, Курганская, Белгородская, Липецкая, а также Алтайский, Пермский и Приморский края.

Потратить федеральные средства в рамках соцконтракта можно только по трем направлениям: на содействие в трудоустройстве (в том числе на обучение, поиск работы и выплату стипендии в период стажировки), открытие собственного бизнеса, а также на поддержку граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Выплаты по контракту должны использоваться только по целевому

назначению. Каждый регион вправе развивать свои направления, с учетом региональных особенностей, но уже за счет собственного финансирования.

Социальные контракты вводятся в российских регионах для решения задачи по снижению уровня бедности. Претендовать на поддержку могут малоимущие семьи, малоимущие одиноко проживающие граждане; иные малообеспеченные лица, которые имеют среднедушевой доход менее прожиточного минимума по субъекту РФ по независящим от них причинам. Субъекты РФ могут принять иные условия для заключения социального контракта.

Безусловно, максимальное вовлечение социально уязвимых категорий населения в трудовую деятельность, особенно семей, где есть трудоспособные граждане, является одной из важных задач.

Как видно из данных таблицы 1 Министерство труда РФ планирует, что одна треть малоимущих граждан к 2024 году будет получать социальную помощь на основании социального контракта.

Таблица 1 - Обеспечение мер социальной поддержки отдельных категорий граждан

	2016		2017		2018		2019	2020	2021	2022	2023	2024
	план	факт	план	факт	план	факт	план	план	план	план	план	план
Доля малоимущих граждан, получивших государственную социальную помощь на основании социального контракта, в общей численности малоимущих граждан, получивших государственную социальную помощь, в %	5,0	5,44	6,0	7,9	7,5	9,1	8,5	10,0	20,0	25,0	30,0	35,0
Доля граждан, преодолевших трудную жизненную ситуацию, в общей численности получателей государственной социальной помощи на основании социального контракта, в %	34,0	46,7	39,0	21,2	47,0	33,0	48,0	50,0	51,0	53,1	54,2	56,4

Источник: [4].

Несмотря на то, что социальный контракт в том или ином виде стал широко применяться на практике с 2010 года, на наш взгляд существует ряд минусов, с которыми сталкиваются граждане, на которых рассчитана данная социальная программа (см. таблица 2).

Социальный контракт надо рассматривать, как один из инструментов для борьбы с бедностью, но он не универсален.

Необходимо отработать систему взаимодействия социальной защиты с другими смежными службами, например, службой занятости, системами подготовки и переподготовки кадров, здравоохранения.

Таблица 2 – Плюсы и минусы социального контракта для заинтересованных слоев населения

Плюсы	Минусы
Возможность получить образование или пройти курсы переподготовки	Очень часто выделяемые денежные средства не значительны
Возможность трудоустройства при поддержке государства	Узкий круг проблем, по которым можно заключить социальный контракт
Финансовая поддержка граждан на время действия контракта	Недостаточно подробной информации о социальном контракте у граждан, тем более у слоев населения, на которые нацелены данные мероприятия
Разработка индивидуальной программы социальной адаптации по выходу из сложной жизненной ситуации	Необходима подготовка значительного пакета документов для участия в программе
Программа социальной адаптации предполагает анализ ситуации, поддержку и сопровождение	Неукоснительные обязательства выполнения всех пунктов составленной программы, которая не всегда учитывает интересы граждан
Создание дополнительных возможностей для самореализации людей и как результат повышение уровня качества жизни	Невозможность сменить место жительства в период действия социального контракта
	Не все субъекты РФ оказывают социальную помощь в форме социального контракта
	Длительность социального контракта, как правило, составляет от 3 мес. до 1 года

Источник: Составлено автором.

Поддержка индивидуального предпринимательства в рамках социального контракта, к сожалению, встречается очень редко. Об этом свидетельствуют исследования коллег из НИУ ВШЭ [5]. В связи с этим целесообразно уделить данному направлению больше внимания, что способствовало бы росту предпринимательской активности и созданию новых рабочих мест.

У программы есть своя целевая аудитория, которая получает возможность улучшить свое материальное положение. Поэтому следует продолжить методическую и организационную работу по широкому кругу вопросов (в том числе, которые отражены в таблице 2), касающихся новой технологии оказания адресной социальной помощи малоимущим слоям населения.

Литература

1. Прокофьева Л.М. Социальный контракт – новая форма оказания государственной адресной социальной помощи населению в субъектах Российской Федерации // Аналитический вестник Совета Федерации ФС. – 2010. – № 8(394).
2. Путин В.В. Нацпроект - сильная, комфортная Россия. Послание Федеральному Собранию Президента РФ В. Путина // Российская газета – Столичный выпуск №38. 20 февраля 2019 г.
3. Журман О. Подъемные механизмы // Российская газета – Федеральный выпуск. №62 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/03/23/reg-sibfo/kak-socialnyj-kontrakt-pomogaet-semiam-preodolet-bednost.html>

4. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/70644062/#friends>

5. Прокофьева Л.М., Корчагина И.И., Миронова А.А., Тарновская Е.Е. Социальный контракт как механизм преодоления бедности в России // Журнал исследований социальной политики. НИУ ВШЭ (Москва). 2015, №1. Том 13. С. 81-96

УДК: 338.246.4

Туранова М. В.

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИИ

Развитие российской экономики, повышение качества жизни населения и его благосостояния приводит к увеличению объемов отходов производства и потребления. Для обеспечения экономической и экологической безопасности Российской Федерации реформирование системы обращения с отходами производства и потребления становится стратегически важным направлением государственной политики. В последние годы эта проблема становится в Российской Федерации все более острой, это обусловлено устаревшей системой обращения с отходами производства и потребления, которая при сохранении сформировавшихся тенденций может привести к экономическому, экологическому и ресурсному кризису. В период с 2010 г. по 2018 г. количество образованных отходов увеличилось на 95% [1], при сохраняющемся дефиците специально оборудованных мест для захоронения отходов производства и потребления, недостаточно развитой инфраструктуре для их безопасной утилизации, недостаточно развитом рынке вторичных ресурсов и низком уровне экологической культуры как хозяйствующих субъектов, так и населения.

В 2018 г. объем отходов производства и потребления составил 7266 млн т, что на 16,8 % больше, чем в 2017 г. (6221 млн т), а объем накопленных отходов увеличился на 11 % (42,4 млрд т – 2018 г., 38,1 млрд т – 2017 г.). Основной объем образованных отходов приходится на добычу полезных ископаемых (6850,5 млн т), именно поэтому по объемам накопления отходов производства и потребления лидируют Сибирский (64,8 %) и Уральский (18,1 %) федеральные округа. [1]

По данным Росприроднадзора объем утилизированных отходов производства и потребления в 2018 г. составил 3805,169 млн т, т.е. 52,4 % общего объема образованных отходов, что на 17 % больше, чем в 2017 г. Наибольший объем отходов был утилизирован в сфере добычи полезных ископаемых – 3585 млн т, т.е. 94 % от общего объема утилизированных отходов в 2018 г. Количество отходов, направленных на захоронение в 2018 г. составило 1029,2 млн т., т.е. данный показатель увеличился на 73,5 % за период с 2010 г. по 2018 г. Из приведенных данных видно, что рост объемов образующихся отходов превышают объемы их утилизации, при этом объемы захоронения только увеличиваются.

С 2014 г. было введено понятие твердые коммунальные отходы (ТКО) - отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, а также товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд. К твердым коммунальным отходам также относятся отходы,

образующиеся в процессе деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и подобные по составу отходам, образующимся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами. [2] В 2018 г. их объем составил 275,4 млн м³ (53,9 млн т) при этом вывезенных на мусороперерабатывающие заводы составил 28,1 млн м³, что составляет 10 % от общего объема ТКО. [1]

Проблема утилизации ТКО связана со способом их сбора, которая осуществляется преимущественно смешанным образом, т.е. отходы без предварительной сортировки собираются в контейнер, что усложняет извлечение полезных фракций для дальнейшей переработки за счет их деформации или загрязнения сторонними веществами. Подобный тип сбора ТКО затрудняет сортировку и выделение полезных фракций для переработки, увеличивая нагрузку на полигоны.

По данным исследования общественного мнения в сфере экологии, проводимого в 2017 г. Общественной палатой Российской Федерации, 90,7 % опрошенных считают проблему с обращением отходов производства и потребления наиболее конфликтной. В связи с этим в 2018 году была открыта горячая линия по сбору информации от населения, касающейся действующих и планируемых к строительству объектов по обращению с отходами производства и потребления. За 3 месяца на горячую линию поступило 8205 обращений, из которых 74,2 % – жители Московской области, 17,5 % – Татарстана, 4,1 % – Санкт-Петербурга. Больше половины респондентов (58 %) жаловались на действующие объекты по обращению с ТКО. Поводами для недовольства граждан стали: неприятные запахи (45 %); повышенная заболеваемость, аллергия (29 %); вырубка леса для расширения объекта ТКО (12 %); увеличение потока мусоровозных машин (9 %). [3]

С 2017 года должна была начаться активная фаза реформы системы управления отходами производства и потребления, введены территориальные схемы обращения с отходами производства и потребления, но часть субъектов Российской Федерации не предоставили свои территориальные схемы в установленный срок, а те, что были подготовлены и утверждены, недостаточно соответствовали реальной ситуации. К основным причинам можно отнести недостоверные статистические данные для расчета нормативов накопления и учета характера сезонности, отсутствие разделения по видам отходов, часть из которых больше не подлежала захоронению в связи с внесенными изменениями в Федеральный кадастр классификации отчетов. Также нарушались процедуры принятия территориальных схем, которые должны проходить экологическую экспертизу и обсуждаться публично.

К 1 января 2019 года во всех субъектах кроме городов федерального значения на конкурсной основе должны были быть выбраны региональные операторы по обращению с ТКО. В ряде регионов процедура отбора была проведена с нарушениями законодательства, включая коррупционную составляющую, отсутствие конкурентов или явное лоббирование интересов одной из сторон, участвующей в конкурсе. Также во многих субъектах Российской Федерации в договорах с региональными операторами по обращению с ТКО не были прописаны конкретные условия их деятельности: не были установлены целевые показатели и технологические требования по развитию инфраструктуры. В связи с этим региональные операторы отдают приоритет наиболее дешевым, невысокотехнологичным решениям, которые не соответствуют долгосрочным стратегическим целям государственной политики по увеличению объемов утилизации. [3] Некоторые региональные операторы недобросовестно выполняют

свои обязательства. Так в апреле 2020 г. Северо-Западное межрегиональное управление Росприроднадзора на основании обращений граждан провело проверку регионального оператора по обращению с ТКО СПб ГУП «Завод МПБО-2», в результате которой были выявлены грубые нарушения лицензионных требований: обезвреживание отходов фактически не обеспечивалось, балласт накапливался на территории производственной площадки небезопасным для окружающей среды способом, загрязнение почвы тяжелыми металлами, нефтепродуктами и фосфором.

Во многих регионах России некорректно разработаны или вообще не разработаны региональные программы по обращению с отходами, являющиеся документами стратегического значения и дающие гарантии инвесторам и региональным операторам.

Во многих регионах России отсутствуют утвержденные лимиты на образование отходов, имеются хозяйствующие субъекты осуществляющие свою деятельность без положительного заключения государственной экологической экспертизы, без лицензий и иных обязательных разрешений, юридические лица игнорирующие законодательные требования о внесении платы за загрязнение окружающей среды и представляющие в уполномоченные органы некорректные статистические данные. С 2019 г. за предоставление статистических сведений отвечают региональные операторы, которые в ряде субъектов так их и не предоставили, что усложняет оценку эффективности проводимой реформы системы обращения с отходами производства и потребления.

В складывающейся ситуации необходимо реформирование всей системы обращения с отходами производства и потребления, включая повышение ресурсоэффективности производств, усовершенствование нормативно-правовой базы, модернизацию отходоперерабатывающей инфраструктуры и повышение экологической культуры населения. Необходимо совершенствование способов взаимодействия промышленности, финансовых институтов, научных и образовательных учреждений в решении отмеченных выше проблем. Организация экотехнопарков, объединенных не только территориально, но и по специализации обработки, утилизации и обезвреживания отходов производства и потребления, производства готовой продукции может стать одним из эффективных инструментов такого взаимодействия.

Литература

1. Государственный доклад Минприроды «О состоянии и об охране окружающей среды в РФ в 2018 году»
2. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. N 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» Режим доступа: <http://base.garant.ru/12112084/#ixzz5shQI7VBe>
3. Доклад Общественной палаты РФ «Анализ эффективности мер по обеспечению переработки ТКО и предложения по обеспечению учета мнения граждан РФ при строительстве объектов, используемых для переработки указанных отходов»
4. «Росприроднадзор по СЗФО выявил нарушения в деятельности регионального оператора Санкт-Петербурга»/ Официальный сайт Росприроднадзора. Режим доступа: https://rpn.gov.ru/news/rosprirodnadzor_po_szfo_vyyavil_narusheniya_v_deyatelnosti_regionalnogo_operatora_sankt_peterburga/?sphrase_id=14401

АЛГОРИТМ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ С УЧЕТОМ РИСКОВ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Современные вызовы все чаще приводят к повышению актуальности повестки устойчивого развития в регионах России. Экологизация производства и потребления в регионах проходит по многим направлениям, но дискретно, и не системно. Эпидемия COVID-19 уже оказала серьезное влияние на системы производства и потребления в регионах России, а многие эксперты выражают мнение о невозвратности к предыдущей парадигме развития в полном объеме и неизбежности появления новых трендов и формирования новой реальности. Другими словами, сейчас у нас есть возможность по-новому посмотреть на вопрос стратегического управления производством и потреблением с учетом экологических требований – перехода на устойчивое производство и потребление.

Стратегический переход к устойчивому производству и потреблению должен сопровождаться соответствующим процессом целеполагания. Цели устойчивого производства и потребления регионов РФ могут быть классифицированы по 11 блокам: Блок 1. Институциональное обеспечение устойчивого производства и потребления; Блок 2. Экологическая культура; Блок 3. Модернизация инфраструктуры; Блок 4. Устойчивые государственные закупки; Блок 5. Химическая безопасность; Блок 6. Устойчивая энергетика; Блок 7. Устойчивое водопользование; Блок 8. Обращение с отходами производства и потребления; Блок 9. Устойчивый АПК; Блок 10. Устойчивый туризм; Блок 11. Устойчивая урбанизация [1].

Достижение регионами целей, вышеперечисленных блоков зависит от ряда условий. Первым условием является наличие политической воли. Начиная с 1994 года, в нашей стране в дополнение к международным документам был принят ряд национальных документов, регламентирующих переход России к устойчивому развитию ([2], [3]), однако по различным причинам их реализация оказалась малоэффективной, а политической воли, способной форсировать их выполнение было недостаточно. В силу комплексности и сложности перехода к устойчивому производству и потреблению, а также реактивности основных отраслей экономики субъектов СЗФО РФ, достижение целей устойчивого производства и потребления без соответствующей политической воли представляется крайне маловероятным в среднесрочной перспективе.

Второе условие – технологическое перевооружение. Снижение экоемкости, энергоемкости, отходоёмкости предусматривает массовое обновление технологической базы предприятий и инфраструктуры [4]. Также в данном случае речь идет и об управленческих технологиях, так как управление предприятиями и инфраструктурой на принципах устойчивого производства и потребления требует принципиально новых подходов к управлению.

Третье условие – выделение достаточного финансирования. Практика показывает, что часто вопросы, связанные с экологией, становятся второстепенными, а финансирование на подобные проекты выделяется по остаточному принципу. В последние годы наметилась тенденция повышения внимания крупного бизнеса к эколого-ориентированным проектам, однако субъекты МСП и бюджеты субъектов

РФ все так же больше сконцентрированы на других вопросах, что существенно усложняет практическое внедрение принципов устойчивого производства и потребления в региональную хозяйственную практику.

С представленными выше условиями связаны и основные риски при достижении целей устойчивого производства и потребления:

- Институциональный риск – риск недостижения целей устойчивого производства и потребления, связанный с несовершенством институциональной среды (нормативно-правовая база, документы стратегического планирования, органы власти и общественные организации и т.д.);

- Финансовый риск – риск недостижения целей устойчивого производства и потребления из-за нехватки финансирования. Так экономисты Всемирного банка подсчитали, что мероприятия по достижению всех ЦУР требуют около 200 млрд. долл. США ежегодно [5], что является в текущих условиях нереальным. Фонд Рокфеллера утверждает, что из 200 трлн. долл. США годового объема инвестиций по всему миру необходимо на достижение ЦУР направить более половины [6]. Такой риск тесно связан со следующим риском;

- Риск отсутствия политической воли у стейкхолдеров – риск недостижения целей устойчивого производства и потребления, обусловленный отсутствием мотивации у всех участников процесса достижения целей из-за наличия других, более актуальных и реалистичных задач. Достаточно распространено мнение, что ЦУР важны для бизнеса только в той степени, в которой это влияет на спрос на их продукцию, а для политических деятелей – в степени, в которой это влияет на их рейтинг.

- Технологический риск – риск недостижения целей устойчивого производства и потребления из-за отсутствия доступа к необходимым технологиям. Внешнеполитические и внешнеторговые ограничения, с которыми РФ столкнулась в последние годы, могут существенно снизить эффективность и замедлить достижение целей устойчивого производства и потребления.

Учитывая описанные риски и условия достижения целей устойчивого производства и потребления необходимо сформулировать методику формирования целей устойчивого производства и потребления в стратегии трансформации эколого-экономического пространства в регионах СЗФО РФ.

На первом этапе происходит отбор цели, с учетом региональной специфики. Структура экономики, тип расселения, накопленный экологический ущерб и прочие факторы существенно влияют на актуальность отдельных целей для региона. Так, например цели блока 11 имеют существенно большую актуальность для Санкт-Петербурга и Ленинградской области, чем для Мурманской области и Республики Коми.

На втором этапе необходимо провести анализ действующих инструментов, позволяющих достичь цель. В большинстве случаев достижение целей устойчивого производства и потребления может быть связано с актуализацией существующих инструментов регионального управления. Например, для блока 11 важным является анализ действующих генпланов развития территорий. Если же существующих инструментов недостаточно, то необходимо приступить к созданию нового – плана достижения цели. На данном этапе важно минимизировать институциональный риск.

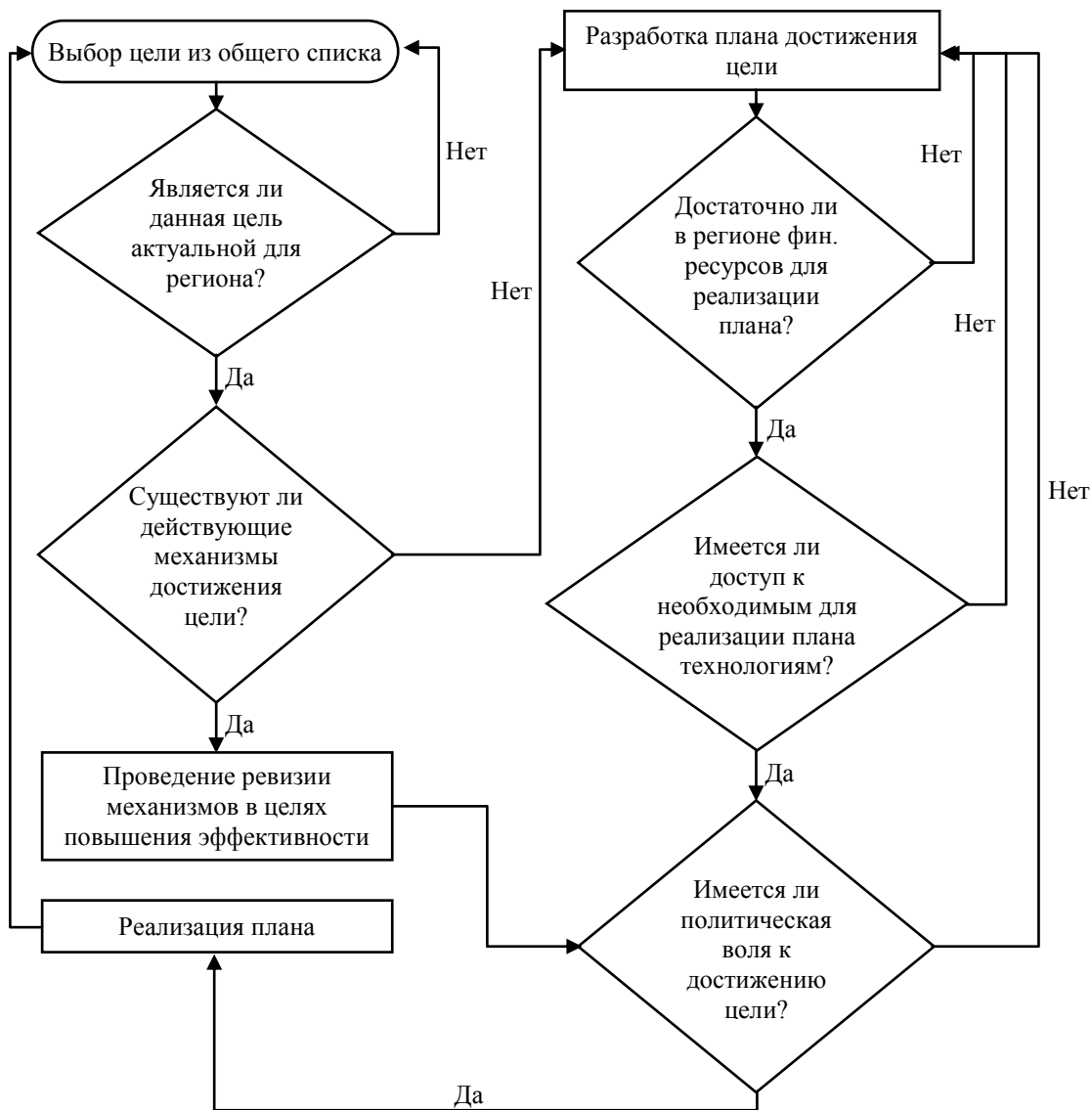

Рисунок 1. Алгоритм достижения целей устойчивого производства и потребления в регионах СЗФО РФ

Этап разработки плана является самым важным с точки зрения минимизации всех рисков достижения цели, поэтому разработчики должны осуществлять постоянный контроль над финансовой, технологической частью плана, а самое главное над отношением основных стейкхолдеров региона к цели и методам её достижения, предложенным в плане. План достижения целей устойчивого производства и потребления должен быть составляющей частью стратегии трансформации эколого-экономического пространства.

Схематично алгоритм достижения целей устойчивого производства и потребления представлен на рисунке 1

Конечным результатом данного процесса является наличие в регионе организационно-экономического и институционального обеспечения достижения актуальных целей устойчивого производства и потребления.

Литература

1. Фесенко Р.С. Условия и риски достижения целей устойчивого производства и потребления в регионах России [Текст] // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях: Сборник научных трудов VI международной научно-практической конференции 23–24 января 2020 года. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020.

2. Указ Президента Российской Федерации № 440 от 01.04.1996 г. «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

3. Указ Президента Российской Федерации № 236 от 04.02.1994 г. «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития».

4. Шугуров, М.В. Роль ЮНКТАД в международной передаче технологий и инновационном развитии в контексте стратегии устойчивого развития // Диалог, № 3(12). 2018. С. 62–76.

5. Hutton, G. and Varughese, M. 2016. The Costs of Meeting the 2030 Sustainable Development Goal Targets on Drinking Water, Sanitation, and Hygiene. TheWorldBank.

6. Horton, S. 2019. Financing the Sustainable Development Goals. Achieving the Sustainable Development Goals. Routledge. 206–225.

УДК314.06

Чистякова Н. Е.

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ МАТЕРЕЙ И РОЖДАЕМОСТЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Уровень рождаемости в Санкт-Петербурге формируется под влиянием внутренних факторов функционирования демографической системы и внешних конкретных социально-экономических процессов. С последней трети 20 века в населении города начались коренные изменения в модели репродуктивного поведения. Отмечалось «старение» материнства: время рождения первенцев смещалось в более поздние возрастные группы матерей. В 1990-е годы этот процесс замедлился. В начале века он возобновился, и протекал очень активно. В результате картина петербургской рождаемости принципиально изменилась (рисунок 1). Доля родившихся у матерей в возрасте до 30 лет сократилась с 1975 по 2018 год в два раза (с 83,9 до 41,1%). С 2016 года более половины детей в Санкт-Петербурге появляются на свет у женщин старше 30 лет, которых раньше называли «старородящими».

Откладывание рождения детей на более поздние сроки традиционно связывают с необходимостью получения образования, определенного материального достатка и улучшения жилищных условий. Подтверждением для этих заключений служили, как правило, материалы специальных выборочных обследований репродуктивных установок населения. Большие возможности предоставляют данные сплошных статистических наблюдений. В 2013 году постановлением Правительства Российской Федерации № 1049 был дополнен перечень сведений, разрабатываемых Росстатом. В него вошли, в том числе, данные об образовании матери. Публикации этих материалов за 2014-2018 годы позволяют расширить представления о социально-демографических процессах в Санкт-Петербурге. При этом интересно сравнить эти данные со специальной разработкой статистических материалов, приуроченной к проведению Всесоюзной переписи населения 1979 года.

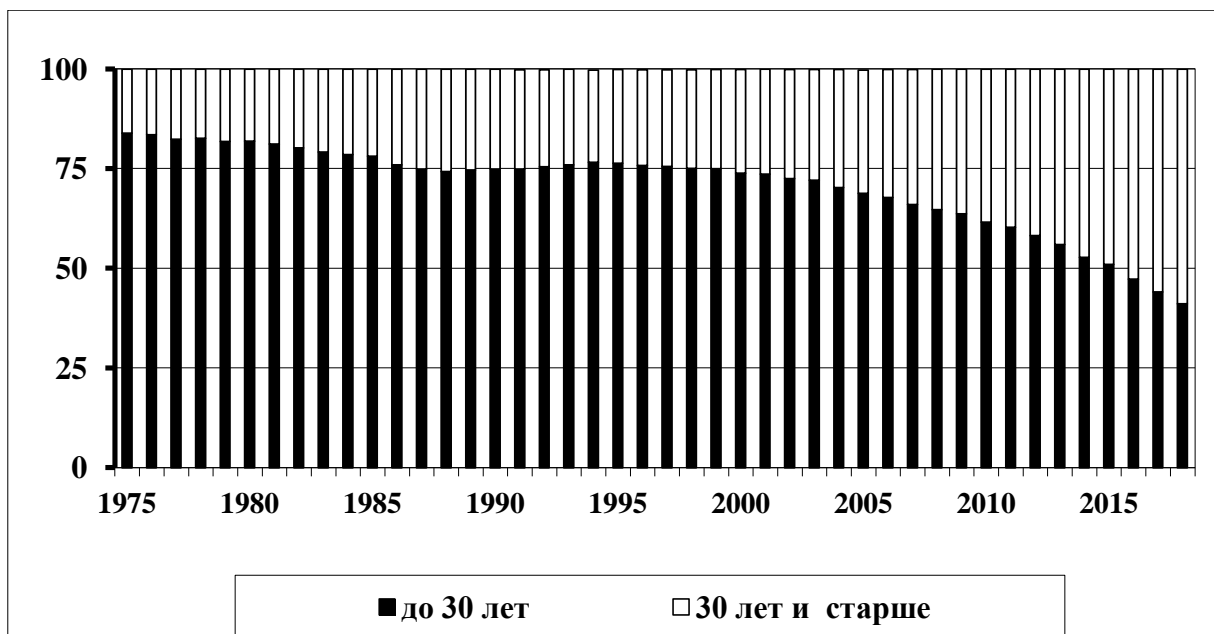

Рисунок 1. Доля родившихся в Санкт-Петербурге по возрасту матери в 1975-2018 гг (в %).

Источники: [1, с. 67],[2, с. 25-26].

Такое сравнение данных о возрастной рождаемости по уровню образования позволяют охарактеризовать принципиальные изменения в репродуктивном поведении жительниц города за 35 прошедших лет. За этот период произошло резкое падение рождаемости у матерей со средним общим образованием в младших возрастных группах до 20 лет и 20-24 года. В 1979 года на 1000 женщин в возрасте 20-24 года приходилось 58 родившихся у матерей со средним образованием, а в 2014 году только 10. В последующие годы показатели рождаемости в Санкт-Петербурге у матерей со средним общим, специальным и неполным образованием во всех возрастных группах колебались незначительно (рисунок 2).

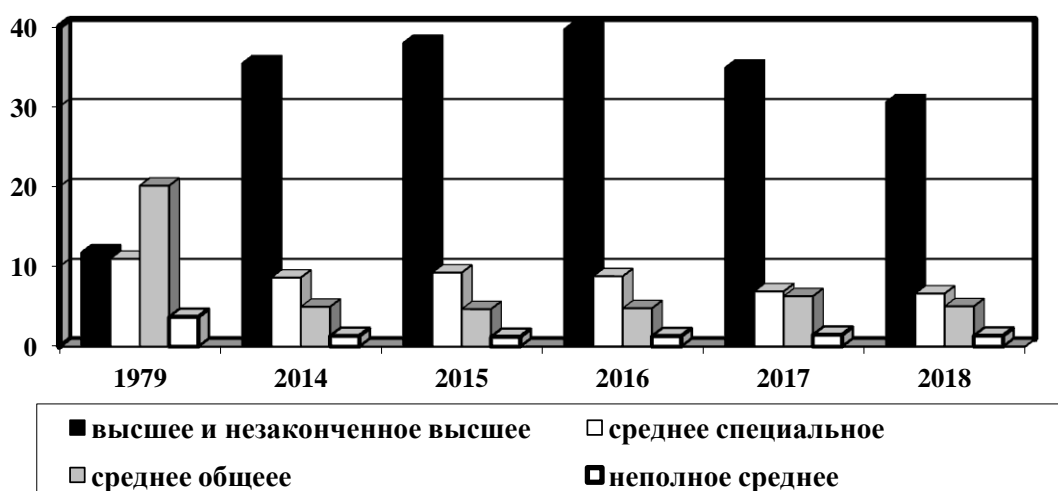

Рисунок 2. Распределение родившихся в Санкт-Петербурге по уровню образования матери в 1979 и 2014-2018 гг (на 1000 женщин репродуктивного возраста 15-49 лет).

Рассчитано по: [3, с. 25], [4, с. 11], [5, с. 10-13], [6, с. 147-149].

Основные изменения в рождаемости с 1979 по 2018 годы в Санкт-Петербурге связаны с группой матерей с высшим и незаконченным высшим образованием. Общеизвестно, что за сравнительно короткий промежуток времени 20 века в стране резко увеличилось число женщин, получивших образование в высших учебных заведениях.

Так, в Санкт-Петербурге (Ленинграде) число лиц с высшим образованием, приходящееся на 1000 жительниц в возрасте 10 лет и старше, увеличилось в женском населении за 40 лет в 5,5 раз (таблица 1).

Таблица 1 – Число женщин с высшим образованием в Санкт-Петербурге (Ленинграде) по данным Всесоюзных переписей населения (человек)

	1939	1959	1970	1979
На 1000 женщин в возрасте 10 лет и старше приходится лиц с высшим образованием	26	67	101	143

Источник: [7, с.115]

Возможность рассмотрения последующих изменений в уровне образования женщин в отдельных возрастных группах предоставляют публикации переписей населения. Их применение для целей нашего анализа имеет ряд ограничений. Датам рассматриваемых нами публикаций о рождаемости в Санкт-Петербурге соответствуют материалы Всесоюзной переписи населения 1979 года и микропереписи населения 2015 года.

Таблица 2 – Распределение женского населения Санкт-Петербурга по уровню образования и возрастным группам (по данным Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 г. и Всероссийской микропереписи 2015 г. (на 1000 женщин каждой возрастной группы))

Имеющие образование	Возраст, лет					
	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
<i>Высшее</i> 1979	144		294		225	
1989	97	271	296	289	324	302
2015*	300	397	452	395	362	304
<i>Незаконченное высшее</i> 1979	110		19		8	
1989	194	49	21	16	16	13
2015*	97	39	26	18	5	11
<i>Среднее профессиональное</i> 1979	239		251		202	
1989	336	360	346	334	311	383
2015*	315	376	366	411	487	540
<i>Среднее общее (полное)</i> 1979	401		265		155	
1989	332	292	300	295	263	232
2015*	249	142	122	131	120	126

*на 1000 женщин, указавших уровень образования

Источник: [8]. Рассчитано по: [9, с.13],[10, с.7-8].

Публикации переписи населения 1979 года об уровне образования населения даются укрупнено, в разрезе 10-летних возрастных групп. Более подробные распределения содержатся в материалах переписи населения 1989 года. Однако, их сравнение с данным 2015 года содержат некоторую долю приблизительности, поскольку в публикации микропереписи даются показатели на 1000 не всех женщин, а только на 1000 указавших уровень образования.

Сравнение показателей 1989 и 2015 годов указывает на то, что в Санкт-Петербурге во всех возрастных группах увеличивается доля женщин, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, и уменьшается доля имеющих общее среднее образование (таблица 2).

С другой стороны, одновременно за рассматриваемый период изменилась модель репродуктивного поведения, женщины рожают детей в более позднем возрасте. Именно в этих возрастных группах численность образованных женщин больше. За 35 лет с 1979 по 2014 годы возрастные показатели рождаемости повысились во всех группах таких жительниц Санкт-Петербурга старше 25 лет. Так, число родившихся у матерей с высшим и незаконченным высшим образованием, приходящееся на 1000 женщин в возрасте 25-29 лет, увеличилось с 1979 по 2014 год в 3 раза, а в возрасте 30-39 лет – в 4 раза. В дальнейшем были отмечены максимальные параметры числа родившихся в Санкт-Петербурге у матерей в возрасте 25-29 лет с высшим и незаконченным высшим образованием в 2015 году (80 родившихся на 1000 женщин 25-29 лет), а у матерей 30-39 лет – в 2017 году (63 ребенка на 1000 женщин 30-39 лет) (рисунок 3).

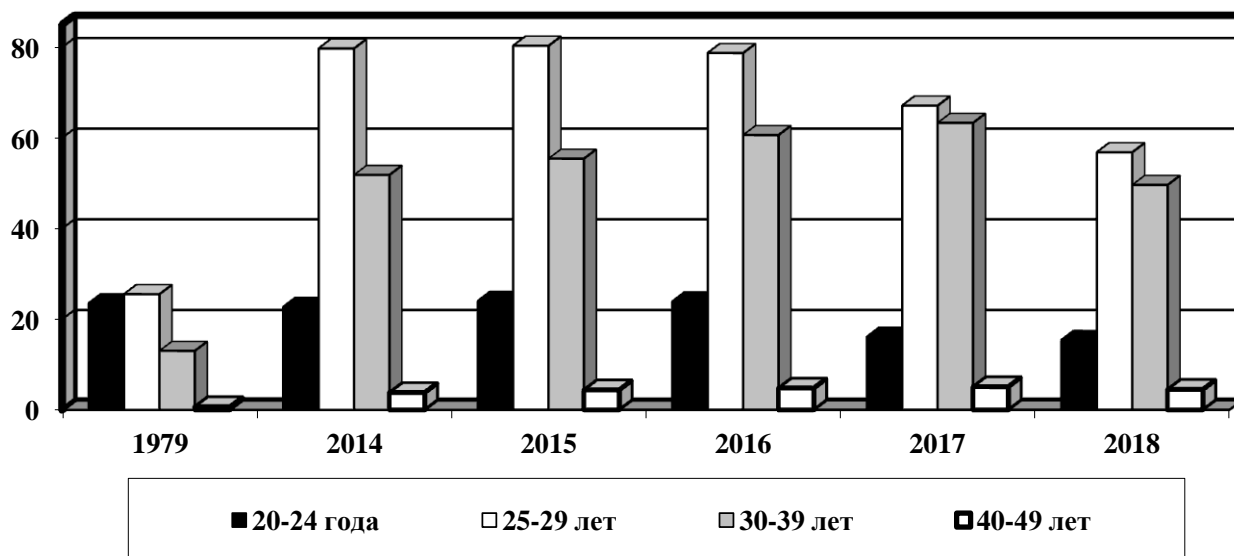

Рисунок 3. Распределение родившихся в Санкт-Петербурге у матерей с высшим и незаконченным высшим образованием в 1979 и в 2014-2018 гг (на 1000 женщин каждой возрастной группы)

Источник: рассчитано по – [3, с.25],[4, с.11],[5, с.10-13],[6, с.147-149].

С 2016 года в Санкт-Петербурге происходит снижение значений возрастных коэффициентов рождаемости. Особенно активно этот процесс наблюдается в возрастных группах от 25 до 34 лет. Это сказывается на уменьшении возрастных

коэффициентов рождаемости у матерей с высшим и незаконченным высшим образованием (см. Рисунок 3).

Таким образом, колебания в рождаемости в Санкт-Петербурге во многом связаны с реализацией репродуктивных планов женщин старше 30 лет с высшим образованием. На протяжении рассматриваемого периода они определялись:

- увеличением численности женщин, получивших высшее образование,
- осуществившимся переходом к модели рождаемости в сторону более позднего материнства,
- многочисленностью поколения женщин, находящихся в старших репродуктивных возрастах,
- активной государственной демографической политикой последнего десятилетия.

Численность родившихся в течение будущих десятилетий будет определяться малочисленностью поколений женщин в репродуктивном возрасте вследствие деформаций структуры населения. Кроме того, существенные коррективы внесет отмеченная на общероссийском уровне тенденция увеличения доли женщин, не родивших за свою жизнь ни одного ребенка. Дальнейший рост доли окончательно бездетных женщин может нейтрализовать усилия, направленные на обеспечение хотя бы простого замещения поколений [11, с.138].

Углубленный анализ статистических данных о распределении родившихся по возрасту и образованию матери позволит дать более полную характеристику процессов формирования населения Санкт-Петербурга.

Литература

1. Санкт-Петербург. 1703-2003: Юбилейный статистический сборник /Под общей ред. И. И. Елисейевой и Е. И. Грибовой. – Вып. 2. – СПб.: Судостроение, 2003. – 232 с.
2. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Статистический сборник. /Петростат – СПб.: 2003-2019.
3. Выполнение комплексного плана экономического и социального развития Ленинграда и Ленинградской области в 1976-1979 годах (Население, здравоохранение, социальное обеспечение, физическая культура и спорт). Ежегодный статистический сборник. /Стат. управление Ленинградской области и Ленинграда. – Л.: 1980. – 167 с.
4. Возрастной состав населения Ленинграда и Ленинградской области по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 года. /Стат. управление Ленинградской области и Ленинграда. – Л.: 1980. – 185 с.
5. Естественное движение населения Санкт-Петербурга в 2014 ... 2018 году. Статистический бюллетень /Петростат. – СПб.: 2015-2019.
6. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января. Статистический бюллетень /Росстат – М. :2014-2019.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том III Часть 1. Статистический сборник. Госкомстат СССР –М.: 1989. – 407 с.
8. Таблицы с итогами микропереписи населения 2015 года. Раздел II. Таблица 2.1. Режим доступа: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo.

9. Распределение всего населения Ленинграда и Ленинградской области по возрасту и уровню образования по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 года. Статистическое управление Ленинградской области и города Ленинграда. – Л.: 1980. –152 с.

10. Сборник об изменении образовательного уровня населения Ленгорсовета по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ленинградское областное и городское управление статистики. – Л.: 1990. –151 с.

11. Население России 2017: двадцать пятый ежегодный демографический доклад /отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. –480 с.

УДК: 332.145

Шабунина Т.В.

СОЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Социальная составляющая эколого-экономического развития регионов представляет собой комплекс социальных явлений и процессов, характеризуется численностью и структурным составом населения, уровнем образования, традициями, трудовой этикой. Человеческая деятельность оказывает все большее воздействие на целостность экосистем, которые обеспечивают жизненно важные функции в интересах благосостояния человека и хозяйственной деятельности. Разработка и реализация целей стратегии регионального эколого-экономического развития должны осуществляться на следующих основных принципах:

- соблюдение права человека на благоприятную окружающую среду и получение достоверной информации о состоянии окружающей среды;
- обеспечение позитивных условий развития человеческого капитала;
- приоритет сохранения природных комплексов, биоразнообразия;
- сочетание экологических, экономических и социальных интересов в системе «государство – общество – бизнес» в целях обеспечения устойчивого регионального развития;
- охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов;
- обязательность оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности.

На разработку и реализацию целей стратегии регионального эколого-экономического развития оказывают влияние различные факторы, которые могут быть классифицированы: по способу развития (статические, динамические), по отношению к среде функционирования региона (внутренние, внешние), по степени воздействия (прямые косвенные), по способу влияния на функционирование и развития региона (позитивные, негативные, экстенсивные, интенсивные). Для более детального рассмотрения влияния факторов на процесс разработки и реализации целей стратегии регионального эколого-экономического развития может быть применен SWOT-анализ – метод стратегического планирования, заключающийся в выявлении факторов внутренней и внешней среды социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и разделении их на четыре категории: сильные стороны, слабые стороны, возможности и угрозы.

Необходимыми условиями для успешной разработки и реализации стратегии регионального эколого-экономического развития являются: согласование отраслевых

ее приоритетов с профильными федеральными министерствами и ведомствами; участие бизнеса в разработке и реализации стратегии, в частности, руководства крупнейших предприятий и естественных монополий, работающих на территории региона (муниципального образования), инвесторов, а также научной общественности и населения территории.

Таблица 1 - Основные экологические стратегические цели субъектов СЗФО РФ

Субъекты СЗФО	Основные экологические стратегические цели
Республика Карелия	Оздоровление экологической ситуации на территории Республики Карелия для создания предпосылок долговременного и экологически безопасного социально - экономического развития, значительное улучшение качества природной среды и экологических условий жизни человека, формирование сбалансированной экологически ориентированной модели развития экономики и экологически конкурентоспособных производств
Республика Коми	Улучшение экологической обстановки и повышение уровня экологической безопасности в республике, сохранение и развитие природных комплексов, обеспечение рационального и устойчивого природопользования, охрана здоровья населения и обеспечение благоприятных условий проживания людей.
Архангельская область	Создание к 2035 году межведомственной системы формирования у населения культуры здоровьесбережения.
Калининградская область	Улучшение качества окружающей среды, сохранение и воспроизводство природно-ресурсного потенциала, биологического разнообразия, сохранение и восстановление природных систем, поддержание их жизнеобеспечивающих, средообразующих и средорегулирующих функций для обеспечения устойчивого развития общества, улучшения состояния здоровья населения, демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности, повышения качества жизни в Калининградской области.
Мурманская область	Сокращение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу на 30%; повышение доли населения, проживающего в местах с благоприятной экологической обстановкой, до 95% за счет уменьшения площади зон загрязнения.
Новгородская область	Поэтапное сокращение уровней воздействия на окружающую среду всех антропогенных источников. Снижение удельных уровней воздействия на окружающую среду в 3 – 7 раз в зависимости от отрасли.
г. Санкт-Петербург	Обеспечение благоприятного состояния окружающей среды, сохранение естественных экологических систем и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду и обеспечения экологической безопасности Санкт-Петербурга.

В разработанной Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года [1] предусмотрены важные целевые установки и меры в отношении уровня и качества жизни населения. Тем не менее, в стратегиях социально-экономического развития субъектов СЗФО РФ

практически отсутствуют экологические показатели, отражающие состояние здоровья населения, сохранение баланса экосистемы (таблица 1). Лишь в Мурманской и Новгородской областях эти цели конкретизированы.

Основными направлениями эволюции социальной составляющей стратегии регионального эколого-экономического развития являются:

- обеспечение безопасной для жизнедеятельности человека окружающей среды;
- экологизация здравоохранения;
- формирование экологической культуры населения;
- развитие экологического туризма.

Обеспечение безопасной для жизнедеятельности человека окружающей среды предусматривает улучшение качества воздуха и воды; экологическую безопасность жилья, одежды, бытовой техники и других предметов домашнего обихода; экологически безопасные продукты питания. Международная группа исследователей в журнале *Lancet* сообщает, что каждая шестая смерть на планете связана с загрязнением окружающей среды. Чаще всего к летальному исходу приводят неинфекционные заболевания, которые развиваются на фоне загрязнения атмосферы – инсульт, рак легких, инфаркт и хроническая обструктивная болезнь легких [2]. По данным двух новых докладов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), риски, связанные с окружающей средой, такие как загрязнение воздуха внутри и вне помещений, вторичный табачный дым, небезопасная вода, отсутствие санитарии и ненадлежащая гигиена, ежегодно уносят жизни 1,7 миллиона детей в возрасте до 5 лет. Более одного из каждых 4 случаев смерти детей в возрасте до 5 лет обусловлено нездоровой окружающей средой [3]. Первый доклад «*Inheriting a Sustainable World: Atlas on Children's Health and the environment*» («Унаследовать устойчивый мир: атлас здоровья детей и окружающей среды») свидетельствует о том, что значительная часть наиболее распространенных причин смерти детей в возрасте от 1 месяца до 5 лет – диарея, малярия и пневмония – предотвратимы с помощью мероприятий, направленных на снижение рисков, связанных с окружающей средой, таких как доступ к безопасной воде и чистые виды топлива для приготовления еды. Второй доклад «*Don't pollute my future! The impact of the environment on children's health*» («Не загрязняйте мое будущее! Воздействие окружающей среды на здоровье детей») содержит всесторонний обзор воздействия окружающей среды на здоровье детей, свидетельствующий о масштабах этой проблемы [3]. Ежегодно:

- 570 000 детей в возрасте до 5 лет умирают от респираторных инфекций, таких как пневмония, обусловленных загрязнением воздуха внутри и вне помещений и вторичным табачным дымом;
- 361 000 детей в возрасте до 5 лет умирают от диареи из-за плохого доступа к чистой воде, санитарии и гигиене;
- 270 000 детей умирают в течение их первого месяца жизни от состояний, включая недоношенность, которые можно было бы предотвратить при обеспечении доступа к чистой воде, санитарии и гигиене в медицинских учреждениях, и снижении уровней загрязнения воздуха;
- 200 000 случаев смерти детей в возрасте до 5 лет от малярии можно было бы предотвращать с помощью действий по улучшению окружающей среды, таких как уменьшение мест размножения комаров или хранение питьевой воды в закрытых емкостях;

– 200 000 детей в возрасте до 5 лет умирают в результате непреднамеренных травм, обусловленных окружающей средой, таких как отравления, падения и утопления.

На такие неинфекционные заболевания, как инсульт, болезни сердца, рак и хронические респираторные заболевания, сегодня приходится почти две трети общего числа смертей по причине нездоровой окружающей среды [3].

Реализация стратегических целей экологизации здравоохранения предполагает улучшение здоровья и увеличение продолжительности жизни населения путем снижения экпатологии; разработку экологически безопасной медицинской аппаратуры для диагностики и лечения.

Развитие экологического образования, воспитания, просвещения будет способствовать формированию экологической культуры населения. В настоящее время законодательно установлено всеобщее обязательное экологическое воспитание, образование и просвещение всего населения РФ [4]. Тем не менее, отсутствие государственной политики на федеральном уровне в области экологического образования, воспитания и просвещения уровень организации экологического образования на сегодняшний день не отвечает существующим экологическим проблемам страны. В связи с чем в дальнейшем необходимо:

- создание государственных и негосударственных систем экологического образования и просвещения населения;

- формирование духовно-нравственных ценностей, необходимых для гармоничного сосуществования с природой;

- включение вопросов формирования экологического образования и просвещения в программы развития всех уровней управления (федеральные, республиканские, местные);

- повышение информированности населения в области природоохранного законодательства, рационального природопользования, охраны окружающей среды, экологического аудита, экологического риска, устойчивого развития и методов экологического управления.

Стратегическое развитие туризма будет оказывать положительное влияние на рационализацию землепользования; эффективное использование биоресурсов; поддержку особо охраняемых территорий и т.д. Экологически ориентированная организация туристской деятельности должна быть направлена на использование экологичного транспорта (велосипедов, безмоторных лодок, парапланов и т.п.) строительство мест отдыха (приютов, хижин, гостиниц, кемпингов и т.п.) из экологически безвредных материалов, не нарушая при этом экологическое развитие окрестного ландшафта; обустройство привалов, бивуаков, туалетов, костров в строго отведенных для этого местах; грамотную организацию утилизации мусора; привлечение туристов для решения местных экологических проблем.

Современная стратегия регулирования экологической туристической деятельности на сегодняшний день не отвечает реальным социальным запросам и нуждается в корректировке. В связи с этим особое значение приобретают такие стратегии развития туризма, как социально-экологическое зонирование туристических рекреационных ресурсов с целью восстановления и модернизации; формирование информационного поля экологического туризма, предполагающего доступность информации о формах и видах туристической рекреации на всех уровнях регионального управления.

Литература

1. Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года.
2. *Inheriting a Sustainable World: Atlas on Children's Health and the Environment* («Унаследовать устойчивый мир: атлас здоровья детей и окружающей среды»). Доклад Всемирной организации здравоохранения. Женева, 6 марта 2017 г.
3. *Don't pollute my future! The impact of the environment on children's health* («Не загрязняйте мое будущее! Воздействие окружающей среды на здоровье детей»). Доклад Всемирной организации здравоохранения. Женева, 6 марта 2017 г.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

УДК 331.101.5:332.05

Шестакова Н. Н.

ЭКСТРЕННЫЙ ПЕРЕХОД РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ON-LINE: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

В условиях внезапного обострения эпидемиологической ситуации в России, как и во всем мире, в нашей стране возникла острая необходимость сохранения последовательности и непрерывности учебного процесса. Это явилось следствием, как минимум, двух причин:

сезонно-временным периодом вспышки заболеваемости, который пришелся на начало и середину учебного периода (весеннего семестра) в учебных заведениях;

коллективного, группового принципа организации учебного процесса, который потенциально мог бы стать дополнительным катализатором распространения инфекции.⁴

Поименованные факторы стали определенной точкой отсчета при принятии решения относительно сохранения и продолжения образовательной деятельности учебных заведений в условиях форс-мажорных обстоятельств.

Достигнутый к настоящему времени уровень научно-технического развития позволил перенести образовательный процесс в цифровое пространство. Этот процесс – с различной степенью успешности – произошел на всех ступенях российской системы образования. Официальные данные на этот счет отсутствуют, однако можно обратиться к актуальным экспертным оценкам накопленного до возникновения экстренных обстоятельств опыта освоения цифрового пространства, а также уровня готовности педагогического и преподавательского корпуса к переходу в формат on-line обучения.

Так, например, Аналитический центр НАФИ сообщает (2019), что российские педагоги – и школьные учителя, и преподаватели вузов – владеют цифровой грамотностью на высоком уровне. Сводный индекс их цифровой грамотности существенно (на 35 п. п.) превышает среднероссийский и составляет 87-88 пунктов.

⁴ Попутно следует отметить, что в российском национальном законодательстве прямо предусмотрена необходимость защиты здоровья обучающихся. Так, на это указывает ст. 41 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ («Охрана здоровья обучающихся»). См.: [1].

Однако, каждый третий педагог считает, что от 40 до 100% их коллег используют цифровые технологии в своей преподавательской деятельности неуверенно или вовсе их не используют.⁵

В то же время следует понимать, что до текущего момента обучение в электронно-образовательной среде происходило либо фрагментарно, либо в тестовом или экспериментальном режиме.

Предпримем попытку обобщить первые результаты всеобщей диджитализации учебного процесса на примере уровня высшего образования более детально.

Во-первых, отметим, что переход на дистанционное обучение был проведен достаточно быстро: в воскресенье 15 марта 2020 вузы получили подписанный накануне приказ Министерства образования № 397, согласно которому предписывалось перевести всю работу в аудиториях в «электронно-информационную образовательную среду (ЭИОС)». А, например, в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ) на следующий день – в понедельник – в результате четкой организации информирования (за одну ночь с помощью соцсетей) – 20 тысяч студентов и тысячи преподавателей успешно перешли на дистанционное обучение [3].

Уже через неделю после приказа Министр науки и высшего образования Российской Федерации В.Н.Фальков объявил, что более 80% российских вузов перешли на дистанционный формат обучения. По его словам, сложности возникли лишь у 4% региональных вузов. В основном это университеты в небольших городах отдаленных регионов – там, где нет отработанных технологий, устойчивой связи [4].

С нашей точки зрения, организацию процесса перехода на дистанционное обучение можно рассматривать, по крайней мере, с трех точек зрения⁶:

с позиции преподавателя;

с позиции студента;

с позиции материального обеспечения и технической поддержки.

Последняя из перечисленных позиций в части *материальной оснащенности* трансляции образовательного контента представляется нам наиболее «закрытой»: средствами электронной коммуникации сегодня обеспечено подавляющее большинство студентов, профессоров и преподавателей учебных заведений вузов. Так, в своем интервью от 27 апреля 2020, данном каналу РБК, ректор НИУ ВШЭ Я.И. Кузьминов, сообщил, что, согласно данным актуальных опросов ВШЭ, только 1 % студентов российских вузов не имеют доступа к интернету [6]. Обратим внимание,

⁵ В исследовании «Цифровая грамотность педагогов», проведенном Аналитическим центром НАФИ, приняли участие 634 преподавателя (высшее образование), а также 555 учителей (общее образование). Результаты исследования были взвешены с целью соблюдения пропорции распределения численности педагогов по федеральным округам России. Максимальная статистическая ошибка результатов исследования составляет $\pm 3,9\%$ для выборки преподавателей вузов и $\pm 4,2\%$ для выборки учителей школ. Метод сбора данных – онлайн-опрос учителей школ и преподавателей вузов по структурированной анкете, включающей закрытые и открытые вопросы. См.: [2].

⁶Примерно также рассуждает и научный сотрудник Института образования ВШЭ Д. Щеглова: «Основных направлений работы несколько: подготовить платформы и приложения, обучить «старшее поколение», обеспечить процесс технически и нормативно, наладить обратную связь. Есть и еще одно — это перевод на «дистанционку» студентов». См.: [5].

что в высшей школе ситуация с обеспеченностью электронными гаджетами намного лучше, нежели, например, в средней школе⁷.

Техническая поддержка дистанционного образования определяется не только собственно возможностью выйти в интернет, но также она должна и обладать целым рядом качественных параметров (возможностями поддержки (отсутствием технических сбоев и «зависания») представляемого контента в аудио-, видео- и иных форматах; количественными характеристиками охвата аудитории: возможностями получения feedback'а/отклика аудитории и т.п.), позволяющих вести электронное on-line обучение в условиях стабильности. Эта проблема, особенно на ранних этапах массового выхода образовательных учреждений в цифровое пространство, оказалась по-настоящему острой. Для ее решения были созданы и/или переведены на усиленный режим работы специальные службы на уровне отдельных вузов, цифровых платформ и проч.

Остановимся на каждой из двух оставшихся позиций.

Так, с точки зрения профессоров и преподавателей, ситуация экстренного перевода обучения в цифровое пространство оказалась проблемной по следующим направлениям:

- наличие/отсутствие общего пользовательского опыта в части обладания навыками работы на компьютере, выхода в интернет. Например, ректор ВШЭ Я.И. Кузьминов сообщает о наличии в вузе 20% преподавателей, у которых нет опыта работы с цифровыми инструментами [8];

- наличие/отсутствие специальных навыков проведения занятий в on-line формате с использованием дистанционных образовательных технологий. В частности, преподаватель вуза должен, по крайней мере, владеть возможностями использования поисковых систем, личных сайтов и сетевых сообществ в учебном процессе; владеть методиками использования интерактивных учебных сред или платформ с целью организации дистанционной учебной обучающей среды, ее наполнения различными элементами (тесты, лекции, чаты, вики, видео, графика, учебники, обучающие тренажеры, вебинары, мастер-классы, онлайн-консультации, веб-квесты) (Подробно См., например: [9]);

- выбор технологии, сервиса, наиболее полно отвечающего целям и задачам организации дистанционного обучения по тому или иному конкретному курсу в том или ином формате. Так, в качестве каналов коммуникации для дистанционного обучения используются такие сервисы как Zoom (трансляции мероприятий, организация совещаний), Jitsi, MS Teams, Moodle, трансляции в YouTube, Skype. Имеются также примеры обращения к социальным сетям и мессенджерам Вконтакте, Instagram, WhatsApp, сервису Trello (для координации совместной работы). В данном случае речь идет об интерактивном взаимодействии, при котором преподаватель транслирует студентам контент собственной разработки и имеет возможность взаимодействовать с ними в on-line режиме. По мнению Я.И.Кузьминова, это представляет собой «полное повторение обычного образовательного процесса, что наиболее ценно. Студенты и преподаватели общаются в синхронном режиме, видят друг друга, и это важно для самодисциплины обучающихся» [8].

⁷ На уровне среднего образования вопрос обеспеченности электронными средствами коммуникации проявился даже в масштабах такого мегаполиса, как С.-Петербург. Так, 04 апреля 2020 вице-губернатор С.-Петербурга И.П. Потехина, а вслед за ней Губернатор Санкт-Петербурга А.С. Беглов призвали жителей и бизнесменов города помочь собрать 16 904 планшета и/или ноутбука для организации дистанционного обучения школьников из малообеспеченных семей. См.: [7].

Однако также существуют возможности трансляции образовательного контента в псевдо on-line формате, предполагающем просмотр ранее записанных курсов. В этой связи следует говорить и о таком аспекте, как

- выбор платформы, предлагающей привлечение уже готовых/ разработанных учебных on-line курсов, которые могут использоваться либо как замещающие, либо как дополняющие учебный процесс.

В этой связи отметим, что в настоящее время в мире для дистанционного обучения используется множество платформ (МООК, *массовых открытых on-line курсов*). Среди наиболее известных и крупнейших могут быть названы такие международные платформы как Coursera (<http://www.coursera.org/>) и Udacity (<https://www.udacity.com/>) (появились в Стэнфордском университете) и edX (<http://www.edx.org>). На них размещены on-line курсы из многих областей знаний, как на английском (преимущественно), так и на других языках, включая русский. Например, образовательная платформа Coursera объединяет 3800 курсов и более 400 специализаций от ведущих университетов и компаний.

Однако международные образовательные платформы, как правило, недостаточно скоординированы с организацией обучения в российских вузах. Поэтому в нашей стране разрабатываются национальные образовательные ресурсы. В частности, как отмечается в Рекомендациях по использованию онлайн-курсов при реализации образовательных программ высшего образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина: «В связи с наличием некоторых недостатков МООК на международных платформах российским вузам рекомендуется интегрировать онлайн-курсы российских вузов, размещенные на Национальной платформе открытого образования (НПОО, <https://openedu.ru/>). Все курсы были созданы в соответствии с ФГОС ВО и могут быть использованы в рамках учебного процесса российских вузов» [10].

Именно с этой целью в 2017 году в рамках федерального проекта «Молодые профессионалы (повышение конкурентоспособности профессионального образования)» национального проекта «Образование» в нашей стране был сформирован портал «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», охватывающий, по состоянию на 02 мая 2020 16 образовательных платформ (927 on-line курсов, подготовленных в 29 вузах), в число которых, помимо упомянутых выше Coursera, edX и «Национальной платформы открытого образования» (230 курсов таких ведущих российских вузов как МГУ им. М.В. Ломоносова, МФТИ, НИТУ «МИСиС», НИУ ВШЭ, СПбПУ им. Петра Великого, СПбГУ, ТГУ, ИТМО, УрФУ) вошли и такие российские образовательные on-line площадки, как [11]:

Stepik (<https://stepik.org>) – образовательная платформа и конструктор онлайн-курсов.

«Университет без границ» (<https://distant.msu.ru>) – проект Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по организации сетевой образовательной площадки.

MOOPED (MoodleOpenEducation) (<https://mooped.net/>) – портал онлайн-образования Поволжского РЦКОО, разработан в Волгатехе.

Лекториум (<https://www.lektorium.tv>) – образовательный проект, объединяющий платформу для публикации массовых открытых онлайн-курсов (МООК).

LETiteach (<https://open.etu.ru/>)- открытая образовательная платформа по инженерно-техническим дисциплинам, разработан СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Открытая онлайн-академия (<https://online.fa.ru>) – сетевой образовательный проект Финансового университета.

«Электронный университет – MOODLE» (<https://moodle.tsu.ru/>) – система управления электронным обучением.

OpenБелГУ (<https://open.bs.u.edu.ru/>) – платформа открытого образования, разработана Белгородским государственным национальным исследовательским университетом (НИУ «БелГУ»).

Открытые курсы ИРНИТУ (<https://open.istu.edu/>) – площадка открытых-курсов Иркутского национального исследовательского технического университета.

СДО СПбПУ (<https://lms.spbstu.ru/>) – портал дистанционных образовательных технологий СПбПУ Петра Великого.

Онлайн-образование в НИУ ВШЭ (<https://dpo.hse.ru/>) – программы профессиональной переподготовки, повышения квалификации и MBA

Платформа Чувашского государственного университета имени И.Н.Ульянова (<https://moodle.chuvsu.ru/>).

Платформа ФГБОУ ВО «СГТУ имени Гагарина Ю.А.» (<http://do.sstu.ru/>).

Очевидно, что в наиболее выигрышном положении в момент вынужденного массового перехода в on-line формат оказались те отечественные вузы, которые уже располагали собственными библиотеками электронных курсов. «По мнению экспертов, у продвинутых российских вузов никаких проблем с переходом на бесконтактное обучение не возникает» [4]. В число таких вузов вошли: СПбГУ, который в рамках дистанционного обучения предлагал множество курсов по общественным, точным, естественным и гуманитарным наукам (<https://online.spbu.ru/nashi-kursy/>); НИУ ВШЭ – программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации от основ создания игр до экономических курсов (<https://online.hse.ru/>); ИТМО, где давно используется собственная электронная информационно-образовательная среда с учебными материалами и онлайн-курсами. К ним были добавлены только видеолекции.

В качестве небольшого отступления заметим, что некоторые вузы оказались в момент экстренного перехода в достаточно сложном положении: например, по состоянию на 16 марта текущего года ректор ДвГУПСа Ю.А.Давыдов *только подписал* распоряжение о подготовке дистанционных программ обучения. В онлайн-режиме обучались лишь китайские студенты университета, которые не смогли вернуться в Россию после зимних каникул. «Обучение идёт без практических занятий. Студенты осваивают лекционные материалы самостоятельно, но под дистанционным руководством преподавателей. Также они выполняют лабораторные работы, которые затем отправляют на проверку» [12].

Между тем, очевидно, что выстраивать учебный процесс полностью за счет заимствованных курсов невозможно. Например, по решению руководителей образовательных программ в ВШЭ только 14 % курсов должны быть замещены массовыми онлайн-курсами Coursera и Национальной платформы открытого образования [8].

Существует и другая опасность невозможности для вуза своими силами организовать достойный переход в цифровую среду обучения: подмена on-line формата, по сути, заочной формой обучения (при которой студентам рассылаются задания, которые через некоторое время собираются и оцениваются) [6]. Хотя, в данном случае, выдвигая этот тезис, Я.И. Кузьминов рассуждает как ректор элитного московского вуза. В провинциальных же вузах ситуация совершенно иная. Приведем

одно, но весьма показательное, из многочисленных рассуждений. «Сильнее всего пострадали самые недофинансированные вузы, прежде всего региональные. Например, преподаватель из Смоленска так рассказал о ситуации в вузе: *«Раздаем задания через сайт вуза, но чаще через социальные сети, потому что сайт вуза постоянно в коме, и выдает “ошибку 504”. Преподаватели принимают письменные задания в виде фото или сканов рукописных листов. При этом во многих вузах города вообще нет систем дистанционного обучения; все преподается как текстовый материал с тестами»*. Все видеотрансляции и видеоконференции – *«результат чистого энтузиазма профессорско-преподавательского состава, никакой поддержки от руководства вузов они не ощущают»* [3]. Комментарии очевидны.

Помимо обозначенных, приведем простой (нераскрытый) перечень других проявивших себя в авральном режиме перехода обучения в дистанционный формат проблем, с позиций преподавателя:

- трудности трансформации подготовленных курсов занятий в on-line формат;
- возможность/невозможность виртуального контроля посещаемости, что является национальной традицией российской образовательной системы;
- возможность/невозможность оценки реакции студентов на излагаемый материал, что особенно явно проявляется в курсах технических дисциплин и некоторые другие.

Что касается перехода на on-line обучение *с позиции студентов*, то здесь обнаруживается собственное проблемное поле. К числу наиболее значимых трудностей, о которых чаще всего упоминают исследователи, относится наличие/отсутствие самодисциплины, самоорганизации и настойчивости как базовых качеств, обеспечивающих обучение в дистанционном формате. Например, О.Ю.Гарманова как раз среди прочего относит к числу недостатков дистанционного обучения *«Необходимость жесткой самодисциплины, самостоятельности и сознательности»* [13, с. 248.].

Кроме того, безусловно важным фактором получения образования признается мотивация. Об этом говорил на Форуме труда (2019) представитель Центра прикладных исследований «ГАЛАП» Рахим Ошакбаев (Казахстан): *«Важными факторами получения образования on-line является мотивация и самодисциплина»*. Что касается мотивации, то можно утверждать, что в некоторой степени решено в рамках коммерческого обучения: у части студентов действует установка *«получить знания в обмен на потраченные деньги»*.

Но существуют и иные вопросы, которые пока проявляются только на практическом уровне и еще недостаточно осознаны и описаны в научной литературе. Одним из способов получения информации о них является обращение к социологическим опросам. В этой связи приведем некоторые результаты опроса студентов и магистрантов из 19 региональных вузов, проведенного в 2019 году ВШЭ совместно с Фондом Владимира Потанина [5]. Фрагмент этого опроса, который назывался *«Рождение российской магистратуры»*, был посвящен отношениям студентов к on-line обучению и новым формам контакта с преподавателем. Так, авторам удалось установить следующие факты и тенденции:

- чтение лекций под конспектирование и доклады на семинарах большинство студентов вполне предсказуемо расценивает как изжившие себя формы. Потребность в живом контакте с преподавателем в аудитории остается для студентов намного ценнее, чем *on-line обучение*, которое *они воспринимают с*

настороженностью. Особенно выражена эта тенденция у бакалавров: большинство из тех, кто считает, что онлайн-курсы должны проводиться редко. Они хотят развивать личностные умения – лидерство, предпринимательство, навыки работы в команде, управление проектами – которые в их понимании находятся вне цифровой среды;

- студенты обеспокоены тем, что могут оказаться наедине с цифровым миром образования – и «утонуть в нем». И этот факт дает авторам основание высказать предположение о том, что после окончания режима самоизоляции может произойти «антицифровой» откат, выражающийся в нежелании студентов продолжать учиться дистанционно.

Приведем результаты другого социологического опроса студентов по поводу перехода к дистанционному формату обучения, проведенного *провинциальным* вузом – Кубанского государственного технического университета (КубГТУ). Исследование реализовано в апреле 2020 года, т.е. уже на этапе экстренного перехода к дистанционному формату обучения.⁸

Так, результаты опроса показали, что мнения студентов в отношении восприятия обучения в дистанционном формате распались на три примерно равные сегмента: 33 % опрошенных относятся к нему положительно; 37 % – нейтрально, 31 % – негативно. С точки зрения удовлетворенности *организацией* дистанционного обучения в университете, ответы оказались распределены примерно поровну: в той или иной степени удовлетворены 49 % опрошенных (14 % полностью удовлетворены и еще 35 % скорее удовлетворены), а 44 % – высказали ту или иную степень неудовлетворенности (29 % скорее не удовлетворены и 15 % неудовлетворены крайне).

В целях получения образовательного контента и взаимодействия с преподавателями студенты КубГТУ используют следующие каналы коммуникации (приведены в порядке убывания значимости): Moodle (21 %), электронную почту (20 %), онлайн-конференции с преподавателями согласно учебному расписанию (18 %), мессенджеры (16 %).

В качестве основных трудностей обучения в дистанционной форме студенты назвали (в порядке убывания значимости): технические проблемы, связанные с доступом в Moodle (36 %); проблемы с доступом к Интернет (16 %) и «трудности в распределении времени и своевременном посещении дистанционных занятий» (9 %). При этом четверо из каждых десяти опрошенных (42 %) в той или иной степени отрицательно относятся к тому, что летняя сессия может быть проведена в дистанционном формате.

Таким образом, можно констатировать, что студенты, несмотря на широко распространенное сегодня мнение о предпочтительности для поколений X и Y присутствия и функционирования именно в электронной среде, в своей массе не стремятся к перемещению образовательного процесса в on-line формат. И недостатки организационного плана играют тут отнюдь не главную роль.

Очевидно, что помимо освещенных выше, особого внимания также заслуживают уже обсуждаемые в преподавательском и студенческом сообществах вопросы качества транслируемого образовательного контента, эффективности on-line обучения, учебно-методического сопровождения on-line учебного процесса, управления системой образования на различных уровнях и целый ряд других.

⁸Опрошено 3010 студентов. См.: [14].

И, завершая предварительное исследование заявленной темы, обозначим те проблемы, которые настоятельно потребуют своего решения уже в ближайшей перспективе. Это, по крайней мере, следующие позиции:

контроль знаний обучающихся с точки зрения его организации и объективности оценивания;

продолжительность рабочего времени преподавателей в условиях on-line формата, в том числе и в плане сохранения приватного времени и пространства;

потенциально возможное сокращение ставок профессоров и преподавателей;

необходимость выработки стандартизованных правил поведения в on-line среде.

Хотя, впрочем, этот перечень вряд ли можно считать исчерпывающим.

Литература

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

2. Не учи учителя: педагоги разбираются в технологиях лучше учащихся (23 сентября 2019) Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/ne-uchi-uchitelya-pedagogi-razbirayutsya-v-tekhnologiyakh-luchshe-uchashchikhsya/>

3. Россия: вирус дистанционного образования Режим доступа: <https://russian.eurasianet.org/россия-вирус-дистанционного-образования>

4. Зачет в удаленном доступе. 80 процентов российских вузов полностью перешли на онлайн Режим доступа: <https://rg.ru/2020/03/23/80-procentov-rossijskih-vuzov-polnosti-u-pereshli-na-onlajn.html>

5. «Нас может ждать “антицифровой” откат» URL: <https://iq.hse.ru/news/352986845.html>

6. Новое соотношение морали и экономики. Ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов о кризисе 2020 г. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ZCjwbljC1Fk&feature=youtu.be>

7. Петербуржцев призвали поделиться со школьниками лишними ноутбуками Режим доступа: <https://ria.ru/20200405/1569600412.html>

8. «Уровень коллективизма и потенциал взаимопомощи в университетской среде очень высоки» Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/edu/352321178.html>

9. Рождественская Е. А., Болдовская Т. Е. Информационно-компьютерная компетентность преподавателя математики в высшей школе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2016. - № 4 (апрель). Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/16064.htm>. - ISSN 2304-120X.

10. Научно-обоснованные рекомендации по использованию онлайн-курсов при реализации образовательных программ высшего образования. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, Екатеринбург, 2015., 243 с., С.11. Режим доступа: <http://itoo.urfu.ru/uploadfiles/ckfinder/files/Рекомендации.pdf>

11. Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации URL: <https://online.edu.ru/public/promo>

12. Вузы переходят на дистанционное обучение студентов Режим доступа: https://gudok.ru/content/science_education/1497622/

13. Гарманова О.Ю. Дистанционное обучение как средство формирования единого образовательного пространства (на примере экономической интернет-школы НОЦ ИСЭРТ РАН). в кн.: Эффективное использование человеческих ресурсов как фактор устойчивого социально-экономического развития Республики Коми: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (4-5 декабря 2013 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2013. – 298 с. С.246-253.

УДК 331.522

Ширнова С.А.

ФОРСАЙТ-ИССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА

Современные исследования тенденций и перспектив развития рынка труда все больше отходят от общих оценок об исчезающих или возникающих видах профессиональной деятельности. В них делается акцент на воздействие активно формирующегося нового уровня развития производительных сил (и соответствующих им производственных отношений) на структуру и взаимоотношения национальных и локальных рынков труда. Техническое перевооружение сфер экономической деятельности принципиально новыми средствами и предметами труда и технологиями является определяющим фактором развития общественных отношений и отражается на изменениях системы производственных отношений, трансформации современного капиталистического уклада в экономически развитых странах.

По мнению специалистов [1], общими значимыми трендами будущего развития современного мира являются возрастающая скорость изменений во всех сферах общества и его растущее усложнение. В этом пространстве на сферу занятости и рынка труда оказывают влияние множество факторов, а именно:

- развитие цифровых, аддитивных, био- и других современных технологий;
- автоматизация и роботизация сферы труда;
- демографические процессы;
- трансформация общественного и производственного управления;
- изменение потребительских предпочтений;
- глобализация мировой экономики;
- экологизация производства и жизнедеятельности.

Все это усиливает процессы трансформации в сфере занятости, связанные с изменением моделей управления, рабочих мест, отраслевой структуры, технологий производства, условий и содержания труда.

В рамках данного исследования под рынком труда мы будем подразумевать социально-экономический механизм, обеспечивающий формирование и поддержание баланса интересов работников, работодателей и государства в сфере трудовых отношений в целях всестороннего развития человеческого капитала, а также улучшения качества и уровня жизни населения региона. [2]

В настоящее время Форсайт исследования получили широкую сферу применения во всем мире. Эволюционное развитие Форсайта происходило в следующей последовательности.

1) Принято считать, что первым опытом в «изучении» будущего была сфера развития науки и техники. Именно *технологический Форсайт* способен определить потенциал развития данной сферы в мировом, отраслевом и региональном аспектах.

2) *Форсайт рыночных перспектив* связывает будущее развитие экономических отраслей (промышленности, сферы услуг и т.п.) и рынка товаров с научно-техническим прогрессом.

3) *Форсайт в социально-экономической сфере* предполагает расширение объектов первых двух видов исследования социальной и экологической сферами.

4) Появление *инновационного Форсайта* способствует решению проблем инновационной политики стран и сотрудничества между ними.

5) *Методика системных Форсайтов* позволяет решать глобальные проблемы на межнациональном и мировом уровнях.

Таким образом, Форсайт представляет собой универсальный метод исследования перспектив развития во всех сферах деятельности человека, включая сферу занятости и рынок труда. Учитывая сложность и взаимосвязь проблем, решаемых в рамках Форсайт, можно говорить о необходимости междисциплинарного подхода в рамках данного исследования, который расширяет инструментарий познания проблем, имеющих крайне широкий диапазон (например, перспективы отраслевого или регионального рынка труда в условиях цифровой экономики, региональные потоки миграции высококвалифицированной рабочей в долгосрочном периоде, среднесрочные перспективы молодежного инженерного рынка труда региона, и т.п.)

Исходя из существующих типов Форсайт исследований можно выделить прогнозирование рынков труда на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровне. Региональные различия этих рынков вызваны общенациональными тенденциями их развития, особенностями взаимосвязей между регионами, социально-экономическим своеобразием самих регионов, типов поселений.

Однако, при исследовании и долгосрочном прогнозировании рынка труда целесообразно учитывать не только эти «традиционные» факторы, но факторы, определяющие будущую социально-экономическую среду (формацию), в которой будет функционировать рынок труда. Определение этих факторов связано, прежде всего, технологическим развитием, по которым проводятся национальные и международные Форсайты по отработанным методикам на протяжении многих лет, и определением нового экономического уклада, который, по мнению ученых, на фоне развития технологий, может прийти на смену современному капиталистическому строю.

Из 47 концепций «новой экономики», предложенных специалистами, половина отражала «радикально новые образы будущего (или их компоненты) с фокусом на новом экономическом укладе» [3]. При этом, предполагаемые варианты дальнейшего развития экономики воздействуют на целевую установку участия человека в трудовой деятельности и, тем самым, изменяют структуру рабочих мест и трудовую мотивацию людей. В данном исследовании было предложено три сценария развития: 1) «Технологическое изобилие» (Tech-led Abundance), 2) «Рай для незанятых» (Non-worker's Paradise) и 3) «Устойчивые общие блага» (Sustainable Commons), в которых традиционная оплачиваемая трудовая деятельность утратила статус основной формы трудовых отношений.

В первом варианте новой экономики предполагается, что быстрое развитие цифровых и других современных технологий приведет к изобилию благ и освободит человека от необходимости трудом добывать себе средства существования. Второй сценарий предполагает на основе политической борьбы с неравенством прийти к новым организационным принципам в сфере труда и обеспечить выплату гражданам всеобщего базового дохода. При третьем варианте устройства общества труд будет необходим в интересах всеобщего блага, но не как оплачиваемая работа по найму.

Следовательно, одной из методологических задач Форсайт-исследования в сфере занятости и рынка труда является прогнозирование изменений трудовой парадигмы, роли и места работы в жизни населения в долгосрочной перспективе.

Для прогнозирования рынка труда специалисты должны иметь четкую методологическую базу при определении профессиональных групп, находящихся в разной степени устойчивости на рынке труда. Очевидно, что анализ перспективных изменений структуры современного рынка труда неактуален без исследования воздействия цифровых технологий на различные профессиональные группы

Первым массовым исследованием, позволившим определить востребованный спрос на профессии по 19 отраслям, стало «Форсайт Компетенции 2030» [4, с. 4]. Для исследования были выделены две группы профессий по критерию динамики рыночных перспектив рабочих мест:

- новые профессии с растущим спросом, появление которых связано с новыми технологиями (специалисты по анализу данных, искусственному интеллекту и машинному обучению, разработчики программного обеспечения и приложений, специалисты по маркетингу, специалисты по цифровой трансформации)

- исчезающие профессии, теряющие актуальность в сфере трудовой деятельности в силу изменения потребительского спроса или появления более совершенных технологий (сметчик, турагент, копирайтер, билетер и т.п.) [4, с. 10].

В отличие от данной типологии более полной классификацией профессиональных групп по критерию устойчивости рабочих мест на рынке труда в условиях развития цифровых технологий представляется типология Ф. Фоссен и А. Зоргнер [5, с.1], которая включает:

1) профессии, трудовые функции которых не поддаются цифровизации;

2) профессии с частичной цифровизацией трудовых функций с изменением требований к навыкам работников и распределением трудовых функций между людьми и техникой;

3) профессии, имеющие с высокую долю машинного труда и вытеснение работников из трудового процесса;

4) профессии с перспективой полной автоматизации работ и отказа от существующих рабочих мест.

Отметим, что оценка перспектив профессий двух первых групп представляется в условиях регионального рынка труда весьма серьезной задачей, решение которой существенно повысит качество Форсайтов в сфере занятости. В качестве критерия выделения этих групп, нам представляется целесообразным принять те компоненты содержания труда, которые невозможно запрограммировать в рамках искусственного интеллекта (ИИ). Выделим некоторые из них без строгой привязки к конкретным профессиям.

1). Прежде всего, способность человека быстро реагировать на непредвиденные обстоятельства закрепляет за ним все виды профессиональной деятельности с высокой степенью непредсказуемости. При этом «непредсказуемость» связывается с различными объектами – людьми, средой, ситуациями, данными [6]

2). Профессиональная деятельность, предполагающая высокую ответственность не только за собственные действия работника, но и за жизнь и судьбу других людей (работа врачей, правоохранительная и воспитательная деятельность) [7] основана на обязательном контакте между людьми (субъектом и объектом трудового воздействия), без которого выполнение профессиональных целей

и задач невозможно и, следовательно, автоматизация трудовых функций в данном случае выполняет лишь вспомогательную роль.

3). Прерогативой человека также остается деятельность по ведению переговоров между контрагентами и консультативная деятельность (например, для осуществления выбора товара (услуг)). Очевидно, что формализовать данные о жизненном и социальном опыте, эмоциональном интеллект, интуиции и т.п., которыми работники пользуются при выполнении трудовых функций и при служебном взаимодействии с коллегами, на современном уровне развития технологий не представляется возможным.

4). Профессиональное взаимодействие с детьми (особенно, малолетними) предполагает тесное общение, причем в условиях неопределенных реакций ребенка на воспитательные воздействия и необходимости повышенного внимания к различным формам его поведения с целью возможной корректировки процесса социализации.

В эту же группу могут войти и специалисты так или иначе, связанные с процессами продолженной социализации, например, осуществляющие уход за больными людьми и представителями старших возрастов. В этом случае сочувствие и сострадание в рамках профессиональной деятельности являются важными элементами содержания их труда.

5). В профессиональные группы изобретателей и создателей технического оборудования, сооружений и услуг входят ученые, инженеры и др. специалисты, предлагающие нестандартные решения технических и технологических задач, и, являющиеся, по сути, генераторами новых, передовых идей.

На наш взгляд, вполне оправданным можно считать включение в данную группу ремонтников и наладчиков, которые обеспечивают ремонт технических объектов различной сложности, создавая условия для их эффективной эксплуатацию.

6). Разнообразные виды творческой деятельности, связанные с созданием или интерпретацией культурных ценностей, являются, по сути, способом самовыражения личности и, в тоже время, коммуникативными каналами (включая вербальные и невербальные), обеспечивающие взаимопонимание между людьми, общественную безопасность и формирование светской этики. Использование технических средств в деятельности творческих работников не меняет целевой установки этой деятельности.

7). С ускорением технического прогресса возрастает роль специалистов способных оценить вектор общественного развития с позиции возникающих рисков и их преодоления. Смысл заключается в том, что должна быть группа специалистов (экспертов) различных профессий и уровней управления, способных оценивать состояние и перспективы научных открытий, областей знаний, на уровне предприятий, отраслей и регионов, с акцентом на устойчивое, безопасное развитие государств и мирового сообщества в целом.

Отметим, что отдельные профессии могут включать более одного из представленных элементов содержания труда, детальный анализ этих комбинаций позволит дать более точные количественные и качественные характеристики и перспективы отдельных профессиональных групп на локальных рынках труда.

Сегодня, очевидно, что процесс автоматизации труда человека будет проходить

неравномерно по профессиям, специализациям⁹, отраслям и регионам. Так, представители одной и той же профессиональной группы будут пользоваться различным, возможно, и крайне дифференцированным спросом на локальных рынках труда в зависимости от уровня технической оснащенности предприятий региона.

Следует отметить, что в отечественных условиях существенно снижается качество Форсайт исследований и/или они принимают формальный характер вследствие разнообразных рисков, которые возникают при использовании Форсайт-метода в практической деятельности, отметим основные из них.

◆ Отсутствие системы заказов форсайт-исследований со стороны бизнеса и государства.

◆ Лоббирование приоритетов в проектах в зависимости от политической и конъюнктурной ситуации отдельных лиц и групп людей со стороны заказчиков.

◆ Отсутствие обоснованного инструментария исследования (набора методов), позволяющего создать продуманный, логически выдержанный проект, отличный от эфемерных умозаключений авторов.

◆ Отсутствие стейкхолдеров, заинтересованных и оказывающих активное влияние на развития отрасли и конкретных процессов развития, т.е. в реализации будущего «определенного» качества должны участвовать компетентные специалисты (социальные группы), подобранные по критериям достаточной профессиональной квалификации в решаемых задачах, личной заинтересованности в будущих изменениях сферы деятельности.

◆ Участие специалистов, мало заинтересованных в постоянной деятельности по реализации и обновлению рекомендаций Форсайт исследования, речь идет об отсутствии сообществ, реализующих непосредственное построение модели будущего.

◆ Отсутствие дорожной карты как конечного продукта Форсайта, определяющего целенаправленное движение всех участников конкретного проекта развития, обеспечивающего четкую навигацию для всех участников проекта.

◆ Низкое качество экспертных оценок и коммуникаций.

◆ Сложность в «объективном» предвидении социальных процессов и явлений (включая, сферу трудовых отношений, образа жизни, системы образования и прочее).

Кроме этого, по мнению специалистов, существенными препятствиями развития Форсайта на региональном уровне становятся:

- отсутствие практики взаимодействия бизнеса, органов власти и общественности;
- отсутствие института целеполагания;
- слабая культура ответственности за принимаемые решения и ее распределение между участниками Форсайта;

⁹ Отметим, что специализация в данном контексте рассматривается в нескольких аспектах: 1) сосредоточение деятельности на относительно узких направлениях, отдельных технологических операциях 2) приобретение специальных знаний и навыков в определенной области; 3) разделение труда по его отдельным видам, формам 4) в региональном анализе означает преимущественное развитие в регионе характерной для него по тем или иным причинам (вследствие природных условий, традиций населения и др.) отрасли производства. [8]

- отсутствие обучения членов оргкомитета и экспертов по проведению и участию в данных исследованиях;
- высокие организационные затраты на проведение Форсайтов [9];
- отсутствие «большого заказчика» на кадры;
- отсутствие у специалистов понимания образа будущего в сфере занятости и рынка труда регионов; присутствие высокой степени неуверенности со стороны всех стейкхолдеров рынка труда в возможности позитивной трансформации отношений занятости в регионе;
- низкая ответственность институтов занятости («профориентаторов») за эффективность этих рынков [1].

Очевидно, что необходима дальнейшая разработка методологической поддержки Форсайт исследований регионального рынка труда как в качестве самостоятельного проекта, так и в рамках других технических, региональных, отраслевых и других Форсайтах.

Литература

1. Судаков Д. Атлас новых профессий: Перезагрузка профориентации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://firo.ranepa.ru/files/docs/spo/v_budushchee_s_uverennostyu/sudakov_atlas_prof.pdf
2. Кабашова Е. В. Анализ региональной дифференциации российского рынка труда / Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сборник статей Международного форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» (г. Уфа, 4-5 февраля 2019 г.) / под ред. Г.Р. Баймурзиной, Р.М. Валиахметова. – Уфа: Мир Печати, 2019. - 492 с.
3. Hines A. (2019) Getting Ready for a PostWork Future. Foresight and STI Governance, vol. 13, no 1, pp. 19–30. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.19.30.
4. Атлас новых профессий, М., 2014. – 164 с.
5. Fossen F., Sorgner A. Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs. Foresight and STI Governance, vol. 13, 2019, no 2, pp. 10–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/334634967_Mapping_the_Future_of_Occupations_Transformative_and_Destructive_Effects_of_New_Digital_Technologies_on_Jobs Дата обращения: 08.12.2019
6. Профессии, которые выживут. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2035.media/2018/06/15/davidtal/> Дата обращения: 28.04.2020.
7. Профессии, с которыми роботы никогда не справятся. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo/hightech.fm/s/2017/01/20/unpredictability> Дата обращения: 02.03.2020.
8. Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/14814/СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ Дата обращения: 08.02.2020.
9. Калужнова Н.Я., Третьяк В.П. Форсайт региона: опыт Иркутской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://math.isu.ru/ru/chairs/economy/staff/publ/Kalyuzhnova_Tretiak_foresight_of_the_region_2007.pdf

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

Современные тенденции развития мировой экономики в контексте глобальных вызовов XXI века, в том числе природно-климатического и техногенного характера, требуют ускорения темпов экологизации инновационной деятельности во всех сферах хозяйствования. Осознание этого связано с созданием новых подходов к системе управления инновационными процессами на разных уровнях, которые должны учитывать взаимосвязь социо-экологических и экономических составляющих социо-эколого-экономической системы, являющихся определенными характеристиками устойчивого развития экономики.

Устойчивое развитие региональной экономической системы определяется такими ключевыми факторами, как организационно-экономические условия хозяйствования, экологическая характеристика и уровень развития экологоориентированной техники и технологии. При этом устойчивое развитие применительно к социально-экономическим системам разных уровней, в том числе и мезоуровне, принципиально отличается от экономического роста, так как, если рост направлен на количественное увеличение масштабов экономики, то устойчивое развитие предполагает качественные изменения и трансформацию структуры экономики.

В условиях современных вызовов XXI века актуальным является реализация концепции циркулярной экономики, которая непосредственно участвует на этапах планирования и разработки товаров, для обеспечения длительного их жизненного цикла и высокого потенциала, для дальнейшего повторного использования, модернизации, восстановления и рециклинга. Интерес к такому подходу развития экономики связан с ухудшающейся экологической ситуацией, а также с идеей отказа от так называемой «линейной» экономики, основанной на росте производства при неограниченном использовании природных ресурсов. Интенсивная реализация линейной модели привела к масштабным экологическим проблемам, среди которых истощение природных ресурсов, выброс загрязняющих веществ, парниковых газов, рост объемов мусора и отходов, а также неэффективное управление ими. Как следствие, важнейшей задачей при принятии управленческих решений является преобразование региональной экономики с точки зрения повышения ее устойчивости, достижения целей позитивных климатических изменений и сохранения природных ресурсов.

Циркулярный воспроизводственный процесс в регионе позволяет обеспечивать: во-первых, усиленный контроль за запасами природных ресурсов, в том числе возобновляемых, в целях сохранения природного капитала территории; во-вторых, оптимизацию процессов потребления, с точки зрения производства и реализации продукции, отвечающей высокому уровню повторного использования; в-третьих, предотвращение или минимизацию негативных эффектов производства в целях роста его экономической и экологической эффективности [1]. Такой процесс основывается на создании замкнутых цепей поставок, которые позволяют обеспечить максимизацию добавленной стоимости в период полного жизненного цикла продукции, с динамическим восстановлением ее ценности в течение относительно

длительного временного интервала. Эталоном такой цепи является соблюдение принципа нулевых отходов и охват максимально доступной доли отраслей общественного воспроизводства [2].

Однако не только переработка и вторичное использование отходов производства является задачей внедрения принципов циркулярной экономики. В ее задачи также находятся вопросы формирования и использования технологических, организационных, экологических и социальных инноваций, применяемых в течение всего цикла создания стоимости, включая как экологический дизайн продукта, так и предотвращения отходов.

Модель циркулярной экономики подразумевает активное внедрение инноваций с замкнутым циклом и эффективное использование ресурсов для достижения оптимального баланса между тремя составляющими устойчивого развития: экономикой, экологией и обществом. Успешному внедрению инноваций способствует повышение экологической культуры и ответственности производителей и потребителей.

Специалисты отмечают, что необходимыми условиями для перехода к циркулярной экономике являются налаживание компаниями экологически ответственного производства и учет потребителями экологических аспектов при выборе товаров и услуг.

При обоюдной заинтересованности потребителей и производителей в экологизации инновационной деятельности возникают определенные противоречия с точки зрения каждой из сторон при получении и использовании экологических, социальных и экономических выгод. Потребительская ценность экологических инноваций (эко-инноваций) не обязательно гарантирует экономический бонус производителям. Но в современных условиях для многих потребителей преимущества эко-инноваций, как материальные, так и неосозаемые, очевидны. Спрос на экологически чистую продукцию растет, и покупатели готовы платить за такие продукты больше. Использование экопродуктов приносит потребителям такие блага, как снижение расходов природных ресурсов и энергопотребления, повышение качества и надежности продукции, расширение возможностей для ее ремонта, модернизации и утилизации, снижение вредного воздействия на здоровье.

Поэтому реализация принципов циркулярной экономики – это важное направление для России, так как от этого в будущем будут зависеть международные и инвестиционные потоки между отечественными и зарубежными партнерами. Мировой тренд перехода к циркулярной экономике, безусловно, окажет влияние на торговые потоки в мире в целом и в России в частности. В связи с повышением актуальности экологизации инновационного развития экономики, ростом требований к ресурсоэффективности и социальной ответственности и возможностями современных технологий уже в скором будущем будет достаточно просто отследить весь путь цепочки добавленной стоимости с момента исходного материала до финального продукта. Это снизит конкурентоспособность и перспективы развития компаний, не вписывающихся в эти мировые тренды.

В настоящее время существуют серьезные барьеры, препятствующие переходу к циркулярной экономике отечественных регионов. Во-первых, существуют общеизвестные причины торможения инновационного развития регионов страны, такие как текущая сырьевая структура российской экономики, высокий уровень коррупции, вытекающие отсюда трудности с финансированием модернизации и привлечением иностранных инвестиций. Во-вторых, можно выделить

дополнительные экономические и культурные преграды для перехода на циркулярную экономику: господдержка добывающего сектора, российский менталитет «недоверия», низкий уровень осведомленности и понимания последствий плохой экологии, а также неумение договариваться и совместно работать на долгосрочный период.

Серьезным препятствием на пути перехода к экономике замкнутого цикла является неэффективное государственное регулирование субсидий и налоговой системы, в том числе в энергетическом секторе. Например, современная налоговая нагрузка в обрабатывающих отраслях с небольшим экологическим воздействием выше, чем в сырьевых обрабатывающих отраслях, что не способствует переходу к циркулярной экономике и развитию экономики в целом. Так, по производству машин и оборудования налоговая нагрузка составляет 13,7 %, а по производству кокса и нефтепродукта – 4,7 %.[3]. То есть получается, что государственная поддержка производителей нефти и газа особенно существенна.

Однако, на наш взгляд, множество факторов, в том числе «давление» других стран и международных организаций, спрос и приоритетность экологических предприятий и эко-инноваций в мире и в России, могут выступить предпосылками российского перехода к циркулярной экономике. Отсюда следует, что очень важно создать сбалансированную, четкую и эффективную государственную политику для развития циркулярной экономики в отечественных регионах с учетом уже достаточно обширного опыта других стран.

Следующим важной задачей управления процессами экологизации инновационной деятельности в регионе является уменьшение разнообразных рисков, сопровождающих разработку и внедрение инноваций природоохранного характера. Инновационный риск связан с возможными потерями при реализации инновационных проектов. Внедрение новых видов техники, выпуск новой продукции, освоение новой технологии всегда сопряжены с трудностями организационного и технического характера, когда вероятность различных нестыковок, несогласованностей резко возрастает. Кроме того, инновационный проект состоит, как правило, из нескольких этапов, образующих его жизненный цикл. На каждой фазе этого цикла образуются свои факторы рискованности. Поэтому при разработке эколого-инновационных проектов очень важно прогнозирование рисков, то есть вероятности достижения положительного или отрицательного эколого-инновационного проектного результата в зависимости от действий внешних и внутренних факторов, создающих степень неопределенности объекта и субъекта риска или процесса по их функционированию.

К внешним факторам риска следует отнести непредвиденные изменения экономической политики, макроусловий воспроизводства; стихийные бедствия, скачки в курсе валют, изменения конъюнктуры на мировом рынке и др.

К внутренним факторам следует отнести: риски отторжения эко-инноваций рынком; риски неполучения запланированной прибыли от внедрения эко-инноваций, риски несоответствия фактических параметров эко-инновации плановым показателям; риски неполучения результатов эколого-инновационной деятельности к определенному в договоре сроку; риски нарушения патентных прав иных патентообладателей; риски потери ноу-хау производителя эко-инновации. Кроме того, могут возникнуть риски ошибочного выбора, усиления конкуренции, маркетинговые риски и риски, связанные с недостаточным уровнем кадрового исполнения. Решение проблемы снижения риска при реализации процессов

экологизации инновационной деятельности в регионе должно осуществляться в следующей последовательности:

- выявление характера рисков, которые возникают в ходе осуществления эколого-инновационной деятельности;
- определены необходимые информационные источники для оценки рисков в эколого-инновационной деятельности;
- выбор критериев для оценки вероятности рисков; определение методов снижения рисков в эколого-инновационной деятельности региона;
- проведение ретроспективного анализа полученных результатов управления рисками и выполнение необходимых коррекционных действий в процессе реализации стратегии.

Для решения проблем снижения рисков при реализации эколого-инновационной деятельности региональная стратегия должна предусматривать решение комплекса задач для отработки процедур реагирования на воздействия внешней и внутренней среды, анализ и диагностику региональных конкурентных и стратегических позиций. В общем виде управление риском в эколого-инновационной деятельности региона должно предусматривать использование всех необходимых средств для снижения его уровня: это контроль условий возникновения риска; минимизацию его уровня или максимально возможное снижение объемов вероятных потерь; осознанное принятие или даже увеличение степени риска, в случаях, когда это имеет эколого-экономическое обоснование.

Одной из важных стратегических задач экологизации инновационной деятельности региона является создание условий, стимулирующих ускорение процессов разработки и внедрения эко-инноваций. К таким условиям следует отнести, прежде всего, сокращение длительности цикла «исследование-производство» путем усиления взаимосвязи его стадий: фундаментальных исследований с опытно-конструкторскими разработками, патентами, изобретениями и техническими разработками, на основе формирования соответствующего механизма организации, управления эколого-ориентированными инновационными процессами, предусмотренными в стратегии развития региона.

На наш взгляд, такой механизм должен представлять собой совокупность сопряженных взаимосвязанных элементов, подчиненных поставленной цели. В числе его ключевых компонентов особое место занимает эколого-ориентированная инновационная инфраструктура, то есть комплекс организационно-экономических институтов, непосредственно обеспечивающих условия реализации инновационных процессов хозяйствующими субъектами на основе принципов эколого-экономической эффективности как национальной экономики в целом, так и ее регионов. При этом для успешного функционирования региональной социо-эколого-экономической системы, особое значение имеет развитие таких секторов инфраструктуры как телекоммуникационные и транспортные сети, финансовые и информационные услуги (наряду с совершенствованием производственно-технологической и кадровой составляющими).

Следует подчеркнуть особое значение мониторинга процесса реализации целей экологизации инновационной деятельности региона. В настоящее время основным препятствием для проведения эффективного мониторинга является отсутствие надежной информации, необходимой статистики, отражающей взаимосвязь экономических характеристики показателей эколого-инновационного развития. Поэтому необходимо совершенствование информационной базы, создание

необходимой статистики, отражающей взаимосвязь экономических характеристик показателей процесса разработки и внедрения эко-инноваций, что позволит качественно проводить мониторинги оценивать состояние процессов экологизации инновационной деятельности региона. Кроме того, это будет способствовать выявлению условий и факторов ее развития, определению возможности синергизма взаимосвязанных экономических и эколого-инновационных целей, уточнению природных активов региона, оценки качества жизни населения.

Литература

1. Батова Н. Циркулярная экономика в действии: формы организации и лучшие практики./ Батова, П.Сачек, И.Точицкая. – 2018, BEROKGreenEconomyPolicyPaperSeries, PPno 5.
2. Мерзлякова Е.А., Калмыкова Т.С. Циркулярное воспроизводство и экологические инновации в обеспечении устойчивого роста региональной экономики. / Регион: системы, экономика, управление. 2019, № 3 (46).
3. Герасименко Д., Николаева И. Циркулярная экономика в России в контексте Целей устойчивого развития ООН и года экологии. Режим доступа: <https://www.ictsd.org/bridges-news/циркулярная-экономика-в-россии-в-контексте-целей-устойчивого-развития-оон-и-года-экологии> Дата обращения: 05.02.2019.

УДК 334.72

*Ялунер Е В., Жукова Т. Л.,
Семенов Р.И., Гашко Д. В.*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПОДДЕРЖКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ»: ЗАДАЧИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Сегодня мало у кого вызывает сомнения тот факт, что предпринимательство является основным ресурсом, основным фактором развития, а предпринимательская деятельность – главным движущим механизмом, «приводным ремнем» экономики. Именно предпринимательство, а не земля, капитал или природные ресурсы, является источником устойчивого социально-экономического роста.

При этом малое предпринимательство выделяется не только тем, что обладает гибкостью, мобильностью, не требует, как правило, большого стартового капитала, и уже поэтому представляет собой особую экономическую и социальную ценность для современного общества и государства. В питательной среде малого предпринимательства часто зарождаются и развиваются ростки крупных инновационных проектов, имеющих впоследствии самое существенное, и даже, порой, стратегическое, значение для всей национальной экономики. Исследование, проведенное в США (An Analysis of Small Business Patents by Industry and Firm Size), показало, что в секторе малого и среднего предпринимательства создается в 16 раз больше патентов в расчете на одного работника, чем в крупном бизнесе [1].

По данным исследования, проведенного в 2018 году Институтом экономики роста имени Столыпина П.А.¹⁰, Россия значительно уступает странам Европы и США по доле малых и средних предприятий в ВВП, Доле работников в секторе МСП, доле оборота в секторе МСП. Число субъектов МСП – юридических лиц на душу населения в России ниже соответствующих показателей стран Европы, Канады и Турции и выше, чем в США¹¹. В России на 100 человек населения приходится 2 субъекта МСП – юридических лиц, в странах Европы - от 2,3 в Румынии до 9,4 в Чехии, в Турции – 3,1, в Канаде – 2,4 [1].

Конечно, количество субъектов МСП – юридических лиц не является само по себе показателем социально-экономической развитости: уровень жизни в Чехии, имеющей высокий показатель количества МСП на душу населения, ниже, чем в Канаде, Великобритании, Германии, Франции или Бельгии, имеющих более низкое значение этого показателя. И даже не является основным показателем развития самого малого бизнеса или оценкой степени его влияния на экономику в целом. Так, как уже было сказано выше, уровень количества субъектов МСП – юридических лиц в США составляет всего 1,3 на 100 человек населения (что ниже аналогичного российского показателя в полтора раза), однако в то же время доля работников субъектов МСП составляет в США 41 % от общего количества занятого населения (против аналогичного показателя для России на уровне 18,9 %). Если же сравнивать со странами Европы, то доля работников в секторе МСП составляет от 53,1 % в Великобритании до 78,6 % – в Италии [1].

Вклад в ВВП субъектов малого и среднего бизнеса в странах Европы составляет от 44,6 % в Великобритании до 71,1 % в Португалии. В Бразилии этот показатель равен 45,0 %, в Турции – почти 62 %. В то же время в России по данным исследования Института экономики роста имени Столыпина П.А. этот показатель составляет 29,2 %¹² [1].

Авторы исследования «Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и Мир» Института экономики роста имени Столыпина П.А. обращают внимание также и на качество российского малого и среднего бизнеса: на 95 % субъекты МСП в России – это микробизнес. Более 40 % – действуют в сфере торговли. Очень мало субъектов МСП в сфере производственной деятельности, в частности – научно-внедренческой. Отмечается также резкая пространственная дифференциация размещения субъектов МСП в России – почти половина из них действуют на территории 10 субъектов РФ [1].

По данным Росстата [2, 3] рост количества малых и микропредприятий в Российской Федерации, наблюдавшийся с 2010 по 2016 год, в 2017 и 2018 годах сменяется спадом. В 2017 году снижение количества малых предприятий составляет 0,6 %, в том числе микропредприятий – 3,8 %; в 2018 году снижение количества малых предприятий составляет 3,4 %, в том числе микропредприятий – 3,1 %.

¹⁰ В основе исследования лежат данные Росстата, ОЭСР, ФНС РФ, ООН, ИНП РАН, Российской венчурной компании (АО «РВК») - государственный фонд фондов и институт развития венчурного рынка Российской Федерации).

¹¹ Исследование Института экономики роста приводит данные: 1,3 субъекта МСП на 100 человек населения в США, 2 субъекта – в Российской Федерации. По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию на 10.02.2020 в России зарегистрировано 2534850 субъектов МСП – юридических лиц, что составляет 1,7 на 100 человек населения.

¹² На сегодня данные Росстата показывают значительно меньшую долю вклада субъектов малого и среднего предпринимательства в валовый внутренний продукт Российской Федерации – см. ниже.

Количество средних предприятий в 2018 году выросло по сравнению с предыдущим годом на 2,8 %, однако вследствие значительного сокращения ранее их количества в 2016 году по сравнению с 2015 (более чем на 30 %) и спада с 2010 по 2014, оно составило лишь 54 % от уровня 2010 года.

Действительно, как это и указано в исследовании Института имени Столыпина П.А., около 96 % субъектов МСП по данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства составляют предприятия, относящиеся к микробизнесу¹³. Однако, доля количества работающих в микробизнесе составляет лишь 48 % от общего количества занятых в МСП (около 40 % составляют работники малых предприятий, 12 % – средних предприятий) [4]. При этом доля микропредприятий в общем обороте субъектов МСП еще меньше – оборот микропредприятий составляет около 36 % оборота всех субъектов МСП [3].

Все вышеперечисленное (малый вклад субъектов МСП в ВВП страны, снижение количества субъектов малого и среднего бизнеса, неудовлетворительная структура малого предпринимательства по видам деятельности) вкуче с тем важным значением, которое имеет малый и средний бизнес и той положительной ролью, которую он играет в развитых странах и мог бы играть в нашей экономике, все это заставляет говорить о необходимости принятия самых срочных и действенных мер в этой области. Увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, улучшение условий ведения предпринимательской деятельности, создание механизмов поддержки производственной и сбытовой деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, упрощение доступа к льготному финансированию субъектов МСП, модернизация системы поддержки экспортеров – все эти, и некоторые другие, задачи вошли в Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», указ, являющийся (или, по крайней мере воспринимаемый многими экспертами в качестве такового) фактически программой нынешней каденции действующего президента.

Во исполнение указа по трем направлениям развития («Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост») в 2018 году были разработаны тринадцать национальных проектов со сроком реализации в 2019 – 2024 годах. Одним из них является национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», разработанный и осуществляемый в рамках направления «Экономический рост».

Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» был утвержден по итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года. Автором утвержденного документа явилось Министерство экономического развития Российской Федерации. Сам проект был инициирован во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и состоит из пяти

¹³В оценку включены субъекты МСП – юридические лица и индивидуальные предприниматели. Соответствующая оценка для субъектов МСП – юридических лиц на 10.02.2020 составляет 91,6%. Приведены данные реестра по состоянию на 10.02.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru> (дата обращения: 19.02.2020).

федеральных проектов: «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности», «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию», «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства», «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации» и «Популяризация предпринимательства». Сроки реализации национального проекта определены с октября 2018 года по 2024 год включительно [5].

Целевыми показателями национального проекта названы: численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, доля малого и среднего предпринимательства в ВВП и доля экспортеров, являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, в общем объеме несырьевого экспорта (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Целевые показатели национального проекта

№ п/п	Целевой показатель	Базовое значение	Целевые значения, год					
			2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая ИП, млн. чел.	19,2 (01.07.2018)	19,6	20,5	21,6	22,9	24	25
2	Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП, %	22,3 (31.12.2017)	22,9	23,5	25,0	27,5	30,0	32,5
3	Доля экспорта субъектов малого и среднего предпринимательства, включая ИП, в общем объеме несырьевого экспорта, %	8,60 (31.12.2017)	8,80	9,00	9,25	9,50	9,75	10,00

Базовое значение целевого показателя «Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая ИП», приведенное в паспорте национального проекта (19,2 млн чел.), в целом соответствует значению, приведенному в базе ЕМИСС.

Таблица 2 – Численность занятых в сфере МСП РФ по данным Росстата¹⁴

Год	2014	2015	2016	2017	2018
Численность занятых в сфере МСП, тыс. чел.	18021,0	18492,8	18467,4	18868,0	18903,3

¹⁴По данным периодических сборников «Малое и среднее предпринимательство в России», 2015, 2017, 2019 гг. выпуска.

Это значение было рассчитано впервые за 2018 год именно в связи с необходимостью мониторинга реализации национального проекта и составляет 19117763 чел. Однако, это значение несколько не согласуется с данными Росстата, регулярно публикуемыми в сборниках «Малое и среднее предпринимательство в России» (см. таблица 2) и совершенно не согласуется с данными Федеральной налоговой службы и Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (см. таблица 3).

Таблица 3 – Динамика численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства по данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства

Дата	10.12.2016	10.12.2017	10.12.2018	10.12.2019	10.03.2020
Численность занятых, чел.	15922438	16130582	15917053	15357010	15276648

Интересно сравнить данные о темпах роста целевых показателей до начала реализации национального проекта с плановыми значениями этих показателей, предусмотренных нацпроектом. В силу ряда причин провести такое сравнение непросто. В частности, сопоставить данные по численности занятых в сфере МСП, как уже было указано выше, сложно ввиду существенных различий в этих данных, приводимых Федеральной налоговой службой и Росстатом, а также различий между данными Росстата, приводимыми в различных публикациях (см. табл. 1, 2, 3). Графики численности занятых в сфере МСП по данным разных источников представлены на рисунке 1. Целевые значения национального проекта образуют кривую, характер которой существенно отличается от линии текущего тренда по данным Росстата, не говоря уже о линии тренда по данным Единого реестра субъектов МСП.

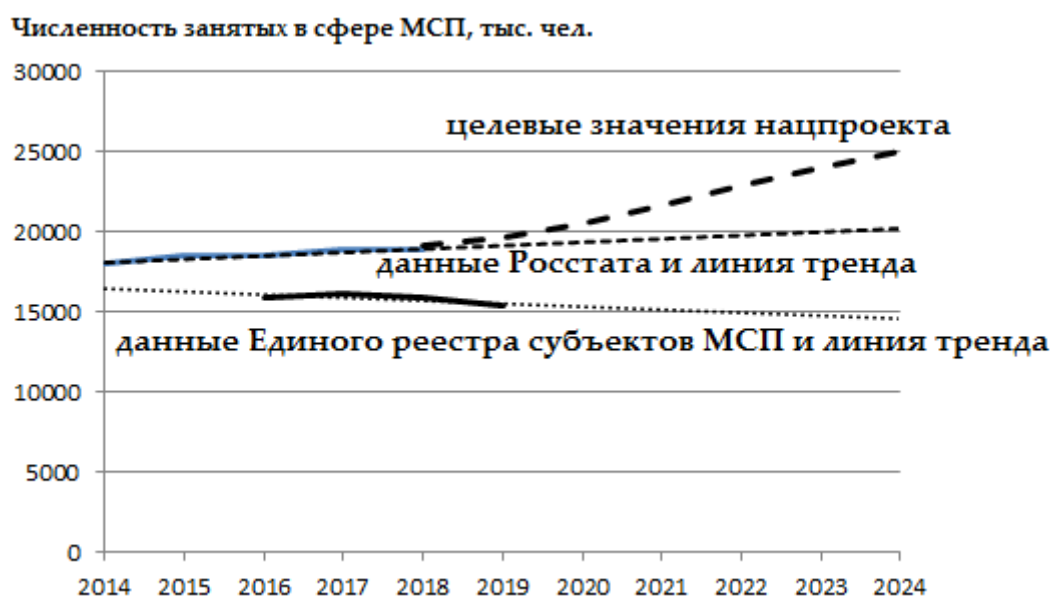

Рисунок 1. Динамика численности занятых в сфере МСП по данным Росстата и Единого реестра субъектов МСП (с линиями тренда) и значения соответствующего целевого показателя нацпроекта

Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП страны рассчитывается Росстатом лишь с 2017 года, и именно в связи с рассматриваемым национальным проектом. При этом в методологических пояснениях Росстат увязывает наблюдение за показателем с данными Реестра субъектов МСП, несмотря на фактическое наличие существенных различий в значениях некоторых показателей, публикуемых этими двумя структурами. В соответствии с методикой Росстата показатель рассчитывается как отношение суммы валовой добавленной стоимости средних, малых, микропредприятий и индивидуальных предпринимателей к валовой добавленной стоимости по экономике в целом, умноженной на 100 % [6].

Валовая добавленная стоимость рассчитывается Росстатом как разность между выпуском и промежуточным потреблением. По средним предприятиям выпуск и промежуточное потребление принимаются по данным формы 1-предприятие. Выпуск малых, микропредприятий и ИП принимаются по сплошному наблюдению (оно проводится раз в пять лет) и статистическим формам ПМ, МП, 1-ИП. Промежуточное потребление рассчитывается по значению выпуска и удельному весу промежуточного потребления крупных и средних предприятий.

Данные Росстата по этому показателю опубликованы только за 2017 и 2018 годы. Они составляют: в 2017 году – 22 % (ранее, до пересчета, указывалось 21,9 %), в 2018 году – 20,2 % [7]. Данных Росстата о динамике доли малого и среднего предпринимательства в ВВП страны до 2017 года нет, показатель не рассчитывался. Однако, используя применяемую Росстатом методику расчета, можно оценить динамику этого показателя до периода наблюдения. При неизменности удельного веса промежуточного потребления в выпуске во времени (что, очевидно, предполагается Росстатом и что справедливо в коротком периоде и вполне допустимо даже в среднем периоде) доля малого и среднего предпринимательства в ВВП страны пропорциональна отношению оборота субъектов МСП к ВВП, а темпы роста доли малого и среднего предпринимательства в ВВП страны соответствуют отношению темпов роста оборота субъектов МСП к темпам роста ВВП (см. таблицы 4 и 5).

Таблица 4 – Оборот субъектов МСП (включая ИП), млрд руб.

Год	Категория субъекта - ЮЛ			ИП	Всего
	Микро-	Малые	Средние		
2010	5609,2	13324,6	7416,2	4671,2	31021,2
2011	7028,3	15581,9	5150,4	8057,2	35817,8
2012	8347,4	15116,3	4710,6	8707,4	36881,7
2013	9101,3	15680,3	4717,5	9732,9	39232,0
2014	9699,3	16692,9	5027,8	10447,5	41867,5
2015	18587,0	25537,3	10362,7	7894,0	62381,0
2016	20138,8	18738,2	7590,4	12369,2	58836,6
2017	20872,8	27586,4	7452,2	14102,5	70013,9
2018	23888,6	29425,6	7464,6	15003,8	75782,6

Иначе, можно сопоставить отношение оборота субъектов МСП к обороту по полному кругу предприятий РФ с соответствующими данными Росстата, рассчитанными для 2017 и 2018 годов, рассчитать поправочный коэффициент и использовать его для оценки ретроспективных данных.

Таблица 5 – Динамика оборота субъектов МСП, оборота организаций в РФ по полному кругу организаций и ВВП Российской Федерации в 2010 – 2018 гг.

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Оборот субъектов МСП, трлн. руб.	31,0	35,8	36,9	39,2	41,9	62,4	58,8	70,0	75,8
Оборот организаций РФ, трлн. руб.	81,2	100,0	111,6	114,6	129,2	141,5	146,4	158,8	191,8
ВВП РФ, трлн. руб.	46,3	59,7	66,9	71,0	79,2	83,4	86,0	92,1	103,9

Таким образом можно получить оценки, позволяющие сопоставить ретроспективные темпы роста показателя с плановыми значениями, соответствующими национальному проекту. Оценочные данные по доли МСП в ВВП за 2010-2018 приведены ниже в таблице 6 и графически представлены на рисунке 2 в сопоставлении с плановыми показателями национального проекта.

Таблица 6 – Оценка показателя «доля малого и среднего предпринимательства в ВВП РФ» за 2010 – 2018 годы

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП, %	19,1	17,9	17,1	15,2	16,2	22,1	20,1	22,0*	20,2*

* - данные Росстата

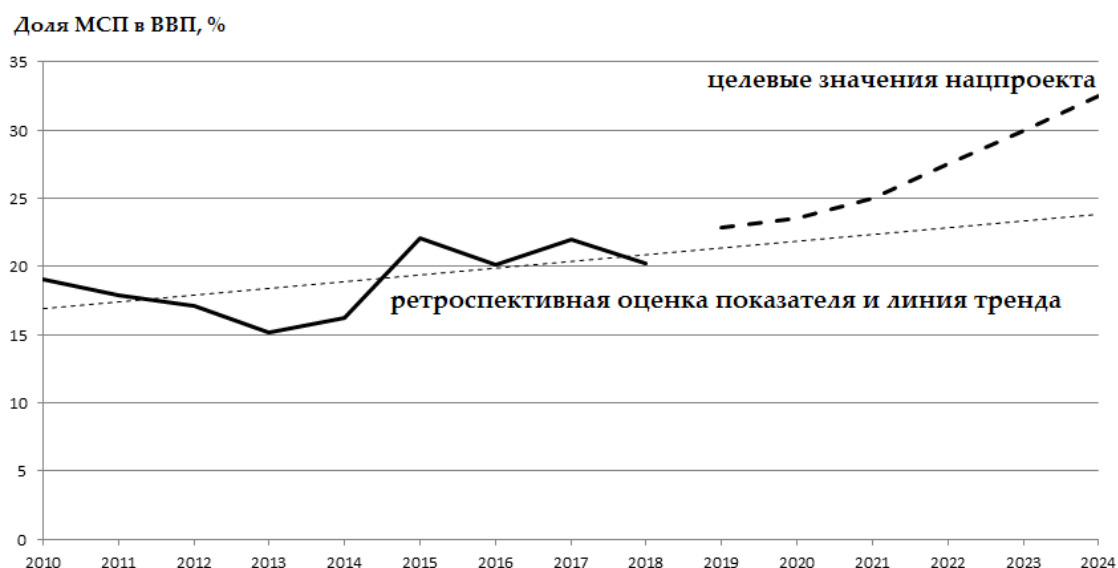

Рисунок 2. Ретроспективные и целевые значения показателя «Доля МСП в ВВП»

Исторические данные по третьему целевому показателю национального проекта – «доля экспорта субъектов малого и среднего предпринимательства, включая ИП, в общем объеме несырьевого экспорта, %» – отсутствуют вовсе, и оценить предыдущую динамику этого показателя сколь-нибудь адекватно не представляется возможным. Приведенные же на рисунках 1 и 2 графики достаточно наглядно, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что заданные в национальном проекте целевые значения двух первых показателей отражают весьма амбициозные планы авторов документа, направленные на коренной перелом сложившихся тенденций.

Какие же инструменты для столь коренного перелома предусмотрены в национальном проекте? Согласно паспорту национальный проект состоит из пяти федеральных проектов: «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности»; «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию»; «Акселерация субъектов МСП»; «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации»; «Популяризация предпринимательства».

Федеральный проект «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности» направлен на решение двух задач: «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности, включая упрощение налоговой отчетности для предпринимателей, применяющих контрольно-кассовую технику» и «Обеспечение благоприятных условий осуществления деятельности самозанятыми гражданами посредством создания нового режима налогообложения, предусматривающего передачу информации о продажах в налоговые органы Российской Федерации в автоматическом режиме, освобождение от обязанности предоставлять отчетность, а также уплату единого налога с выручки, включающего в себя страховые взносы».

Федеральный проект «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию» включает четыре задачи: «Упрощение доступа к льготному финансированию, в том числе ежегодное увеличение объема льготных кредитов, выдаваемых субъектам малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей»; «Развитие инструментов фондового рынка для использования субъектами МСП в целях получения доступа к дополнительным источникам финансирования»; «Повышение доступности инструментов лизинга для субъектов МСП»; «Повышение доступности финансирования микро и малого бизнеса за счет микрофинансовых организаций (МФО) и краудфандинга».

Задачи Федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» сформулированы следующим образом: «Создание цифровой платформы, ориентированной на информационную поддержку производственной и сбытовой деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей»; «Обеспечение упрощенного доступа в электронном виде для субъектов МСП к мерам поддержки, услугам и сервисам организаций инфраструктуры развития МСП и сбыта товаров и услуг»; «Совершенствование нормативно-правового регулирования системы закупок, осуществляемых крупнейшими заказчиками у субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей»; «Повышение качества закупочной деятельности крупнейших заказчиков»; «Создание системы акселерации субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, в том числе инфраструктуры и сервисов

поддержки, а также их ускоренное развитие в таких областях, как благоустройство городской среды, научно-технологическая сфера, социальная сфера и экология» и «Модернизация системы поддержки экспортеров – субъектов малого и среднего предпринимательства».

Задача Федерального проекта «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации» одна – «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации».

Наконец, Федеральный проект «Популяризация предпринимательства» преследует решение двух задач: «Формирование положительного образа предпринимателя» и «Выявление предпринимательских способностей и вовлечение в предпринимательскую деятельности лиц, имеющих предпринимательский потенциал и (или) мотивацию к созданию собственного бизнеса».

Авторами национального проекта количественно оценено влияние каждого из пяти федеральных проектов на достижение целевых значений показателей национального проекта в целом. Увы, методика такой оценки не раскрывается, в то время как это было бы крайне интересно, особенно учитывая ту точность, с которой это влияние оценено (до сотых долей процента!) (см. таблица 7).

Таблица 7 – Влияние федеральных проектов на достижение целевых показателей [5]

№ п/п	Наименование федерального проекта	Влияние на достижение целей и целевых показателей (процентов)			Сводный рейтинг (баллов)
		Численность занятых	Доля МСП в ВВП	Доля экспортеров – субъектов МСП	
1	2	3	4	5	6
1	Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности	41,4	19,44	0	60,84
2	Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию	10,9	27,13	0	38,03
3	Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства	36,5	40,83	100	177,33
4	Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации	2,2	2,44	0	4,64
5	Популяризация предпринимательства	9,1	10,16	0	19,7
	Итого обеспеченность целей и целевых показателей национального проекта	100	100	100	300

Из таблицы 7 видно, что достижению поставленной национальным проектом цели повышения доли экспортеров – субъектов МСП отвечает только Федеральный проект «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства». В составе этого проекта мы видим задачу модернизации системы поддержки экспортеров – субъектов малого и среднего предпринимательства. Для решения этой задачи в течение пяти лет предусмотрена реализация нескольких мероприятий, в числе которых: «законодательное закрепление порядка учета и сбора информации о количестве и объемах несырьевого экспорта товаров (работ, услуг) субъектов МСП-экспортеров без увеличения объема отчетности для субъектов МСП»; разработка и реализация кредитно-гарантийных продуктов с льготными условиями финансирования для субъектов МСП – экспортеров; дальнейшее развитие «Российского экспортного центра» и наделение его новыми полномочиями; расширение доступа субъектов МСП к экспортной поддержке на уровне субъектов Российской Федерации (без какой-либо конкретизации содержания этой самой поддержки) и пр.

Это ли нужно субъектам МСП – потенциальным участникам внешнеэкономической деятельности?

В июне прошлого года в Санкт-Петербургском конгресс-центре в рамках Петербургского международного экономического форума прошла секция, посвященная отечественной легкой промышленности. Было отмечено, что одной из последних тенденций мировой индустрии моды является сегодня развитие небольших, но одновременно транснациональных брендов. Формирование и развитие этой тенденции обязаны развитию интернета и дистанционной торговли. Множество небольших ателье, способных стать транснациональными брендами рождается, по мнению специалистов рынка, ежегодно и в России. К сожалению, на пути к мировому потребителю они сталкиваются с почти непреодолимыми трудностями, разрешение которых как раз и могло бы способствовать «увеличению доли МСП в несырьевом экспорте». Однако, с сожалением приходится констатировать, что мероприятия, предусмотренные национальным проектом, никак не соотносятся с реально существующими проблемами.

Таковыми проблемами являются: общая излишняя зарегулированность внешнеэкономической деятельности, преодолеть которую субъектам МСП тем сложнее, чем менее масштабными субъектами они являются; отсутствие системы идентификации товаров (или других механизмов, компенсирующих отсутствие такой системы); наличие стабильной системы сертификации тканей. Это – в области легкой промышленности. Уверены, профильные эксперты легко сформулируют основные проблемы в осуществлении ВЭД для субъектов МСП в других отраслях, и эти проблемы будут слабо пересекаться с предложенными национальным проектом мероприятиями.

Отсутствует корреляция между мероприятиями национального проекта и проблемами, обозначаемыми результатами всемирного рейтинга Doing Business, позиции в котором в свое время (с выходом Указа Президента РФ от 7 мая 2012 года №596 «О долгосрочной государственной экономической политике») были признаны официальными ориентирами и целевыми показателями успешности реформирования среды осуществления предпринимательской деятельности в стране. Логичным было бы ожидать от разработчиков мероприятий национального проекта некоторой преемственности с ранее разработанными и осуществленными с 2012 по 2018 годы «дорожных карт» Правительства РФ.

Немало противоречий содержит в себе и сам национальный проект. Шестикратный рост участников реестра «производственных субъектов МСП – потенциальных поставщиков крупнейших заказчиков» в рамках Федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» (п. 4.7 паспорта Национального проекта, далее – паспорт) не соответствует приросту объемов закупок крупнейших заказчиков у субъектов МСП в следующем пункте паспорта нацпроекта в том же Федеральном проекте (менее 70%). Пятикратный рост количества Центров поддержки предпринимательства «Мой бизнес» по п. 5.3 паспорта не вполне соответствует чуть более чем трехкратному росту охвата этими центрами субъектов МСП в том же пункте. График подготовки тренеров для подготовки целевых групп «основам ведения бизнеса, финансовой грамотности и иным навыкам предпринимательской деятельности» в Федеральном проекте «Популяризация предпринимательства» (п. 2.3 паспорта) не соответствует графику подготовки этих групп в части численности подготовленных (п. 2.4 паспорта) – монотонный (хотя и не равномерный) более чем четырехкратный рост численности подготовленных с 2019 по 2024 год тренеров соседствует с почти двукратным в этот же период сокращением подготовленного этим количеством тренеров контингента. Это только три примера противоречий, заставляющих сомневаться в высоком качестве проработки документа. Они не единственны.

О результатах реализации национального проекта в целом судить еще рано. Тем более сложно будет судить о результатах по итогам этого года, учитывая те форс-мажорные обстоятельства, в которых оказались, как и весь мир сегодня, страна, общество, государство, национальная экономика. И, тем не менее, показатели прошедших еще спокойно (т.е. в отсутствие чрезвычайных обстоятельств нынешнего времени, связанных с распространением коронавирусной инфекции и ограничительных мерах, связанных с этой угрозой) предыдущего 2019 года и первого квартала 2020 года, могут быть сопоставлены с целевыми показателями, заложенными в национальном проекте.

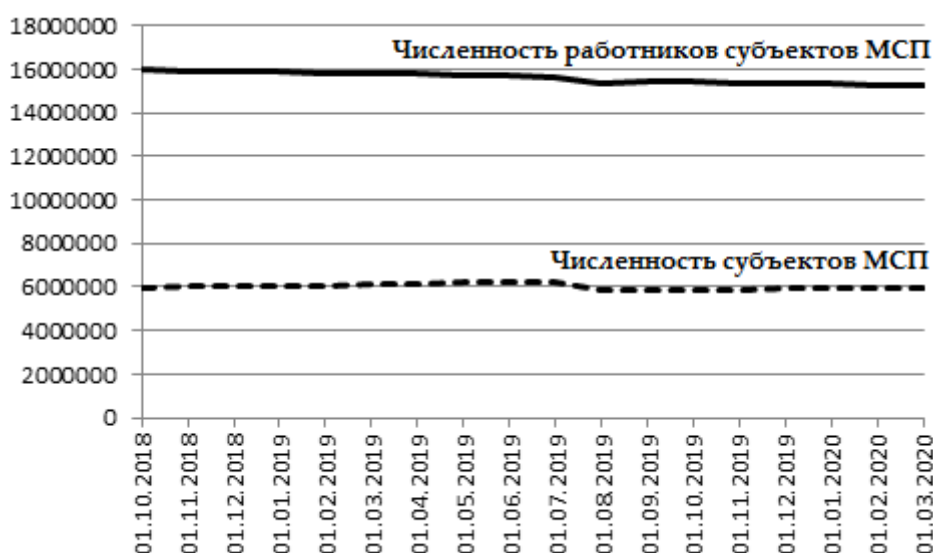

Рисунок 3. Динамика численности субъектов МСП и численности работников субъектов МСП в 2019 – начале 2020 гг.

Анализ данных Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства показывает, что и в течение 2019 года и в первом квартале 2020

никаких кардинальных изменений в статистике МСП не происходит (см. рисунок 3). К сожалению, можно констатировать, что первый год реализации национального проекта оказался «провален».

Литература

1. Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и мир (исследование Института экономики роста имени Столыпина П.А., июль 2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/07/issledovanie-ier-msp-27.07.18.pdf>.
2. Малое и среднее предпринимательство в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 78 с.
3. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 87 с.
4. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rmsp.nalog.ru>.
5. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/info/35563/>.
6. Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП Российской Федерации: презентация Научно-методологического Совета Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/MSP-Zarubina.pptx>.
7. Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/dolya-msp.xlsx>.

КРАТКИЙ СПИСОК АВТОРОВ

Васильев Игорь Григорьевич, кандидат философских наук., старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Российская Федерация, e-mail: sistana2@mail.ru

Vasiliev Igor. G., Ph.D. (philosophy), senior researcher, Institute for Regional Economics Studies Russian Academy of Sciences, Russian Federation, e-mail: sistana2@mail.ru

Гашко Дмитрий Валерьевич., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: dgashko@rambler.ru

Gashko Dmitry V., senior lecturer, St. Petersburg State University of Economics, e-mail: dgashko@rambler.ru

Жигалина Мария Владиленовна., младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, e-mail: bmv11970@rambler.ru

Zhigalina Maria V., junior researcher. Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: bmv11970@rambler.ru

Жукова Татьяна Львовна младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург -mail: nalog.piter@gmail.com

Zhukova Tatyana L., junior researcher. Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: nalog.piter@gmail.com

Замятина Маргарита Федоровна, доктор экономических наук., профессор, главный научный сотрудник. Институт проблем региональной экономики РАН, Российская Федерация, e-mail: rita.zamyatina@yandex.ru

Zamyatina Margarita F., doctor of economic science, professor, chief researcher. Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Russian Federation, e-mail: rita.zamyatina@yandex.ru

Иванов Сергей Анатольевич, доктор экономических наук, доцент, зав. лабораторией. Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Российская Федерация, e-mail: ivanov.s@iresras.ru

Ivanov Sergei A., doctor of economic science, head of laboratory. Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences. Russian Federation, e-mail: ivanov.s@iresras.ru

Кузьмина Лидия Кузьминична, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН, Российская Федерация, e-mail: kuzmina.l@iresras.ru

Kuzmina Lidiya K. Ph.D. (philosophy), senior researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Russian Federation. e-mail: kuzmina.l@iresras.ru

Семенов Роман Игоревич младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, e-mail: semenjulia69@mail.ru

Semyonov Roman I., junior researcher. Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: semenjulia69@mail.ru

Скворцова Маргарита Борисовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, e-mail: margit07@mail.ru

Skvortsova Margarita B., Ph. D (Economics), senior researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. e-mail: margit07@mail.ru

Туранова Мария Витальевна, младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, e-mail: maria-turanova@rambler.ru

Turanova Maria V., junior researcher. Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: maria-turanova@rambler.ru

Фесенко Роман Сергеевич, кандидат экономических наук., старший научный сотрудник. Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, e-mail: roman.fesenko@hotmail.com

Fesenko Roman S., Ph. D (Economics), senior researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: roman.fesenko@hotmail.com

Чистякова Наталия Евгениевна, кандидат экономических наук., старший научный сотрудник. Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, e-mail: nat@nt1924.spb.edu

Chistiakova Nataliia E., Ph. D (Economics), senior researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: nat@nt1924.spb.edu

Шабунина Тамара Владимировна, кандидат экономических наук., старший научный сотрудник. Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, e-mail: t191024@yandex.ru

Shabunina T.V., Ph. D (Economics), senior researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, email: t191024@yandex.ru

Шестакова Наталия Николаевна, кандидат технических наук., ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, e-mail: nnshestakova@gmail.com

Shestakova Natalia N., candidate of technical science, leading research fellow, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: nnshestakova@gmail.com

Ширнова Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, e-mail: svetlana.shirnova@yandex.ru

Shirnova Svetlana A., Ph. D (Economics), senior researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: svetlana.shirnova@yandex.ru

Щелкина Светлана Павловна, кандидат экономических наук., старший научный сотрудник. Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, e-mail: shchelkina.s@iresras.ru

Shchelkina S.P., Ph. D (Economics), senior researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, e-mail: shchelkina.s@iresras.ru

Ялунер Елена Васильевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт проблем региональной экономики РАН, Российская Федерация, e-mail: yaluner@yandex.ru

Yaluner Elena V., doctor of economic science, professor, chief researcher, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Russian Federation, e-mail: yaluner@yandex.ru

АННОТАЦИИ

Васильев И.Г. Цифровизация культурного пространства регионов в национальном проекте «Культура».

Представлен анализ роли цифровизации культурной жизни регионов в достижении целей национального проекта «Культура»; содержание, направления и ресурсы цифровизации, координация действий федеральных и региональных органов культурной политики, новое содержание деятельности учреждений культуры и искусства.

Ключевые слова: структура национального проекта, цели проекта, задачи проекта, цифровизация культурного пространства, цифровизация региональной культуры, направления цифровизации культурной среды, доступность культурных ценностей.

Vasiliev I.G. Digitalization of the cultural space of regions in the national project «Culture».

The article presents an analysis of the role of digitalization of cultural life in the regions in achieving the goals of the national project «Culture»; the content, directions and resources of digitalization, coordination of actions of federal and regional cultural policy bodies, new content of the activities of cultural and art institutions.

Keywords: structure of the national project, project goals, project objectives, digitalization of cultural space, digitalization of regional culture, directions of digitalization of the cultural environment, accessibility of cultural values.

Жигалина М.В. О некоторых аспектах формирования человеческого капитала региона.

Статья посвящена участию трудовых мигрантов в формировании человеческого капитала региона.

Ключевые слова: человеческий капитал, формирование человеческого капитала, регион, миграция, трудовые мигранты.

Zhigalina M.V. On some aspects of the region's human capital formation

The article is devoted to the participation of labor migrants in the formation of the region's human capital.

Keywords: human capital, formation of human capital, region, migration, labor migrants.

Замятина М.Ф. Экологическая безопасность как стратегическое направление эколого-экономического развития регионов.

В статье экологическая безопасность рассматривается как стратегическое направление эколого-экономического развития регионов, с целью повышения экологической безопасности обосновывается необходимость перехода к экологически устойчивому развитию регионов и обязательный учет негативного влияния новых технологий и медико-эпидемиологических условий на здоровье человека как составляющих экологической безопасности.

Ключевые слова: экологическая безопасность, региональная среда обитания, экологически устойчивое развитие, новые технологии, новые модели экономики.

Zamyatina M.F. Ecological safety as a strategic direction of the ecological and economic development of the regions.

In the article, environmental safety is considered as a strategic direction of the ecological and economic development of the regions, in order to increase environmental safety, the necessity of the transition to environmentally sustainable development of the regions and the mandatory consideration of the negative impact of new technologies and medical and epidemiological conditions on human health as components of environmental safety are substantiated.

Keywords: environmental safety, regional habitat, environmentally sustainable development, new technologies, new economic models.

Иванов С.А. О приоритетах исследования социального сектора экономики регионов России.

Рассмотрены различные трактовки терминов «государственный сектор» и «общественный сектор». Представлено содержание новой исследовательской категории «социальный сектор экономики». Предложены программа и приоритеты исследования социального сектора экономики региона.

Ключевые слова: социальный сектор экономики, государственный сектор, общественный сектор, бюджет, финансы, человеческий капитал, регион, экономика,

Ivanov S.A. Priorities in the study of the social sector of the economy of the Russian regions.

Article presents various interpretations of the terms «state sector» and «public sector». The definition of the new research category «social sector of the economy» is presented. The program and priorities of research of the social sector of the region's economy are proposed.

Keywords: social sector of the economy, state sector, public sector, budget, finance, human capital, region, economy.

Иванов С.А. Сфера культуры в стратегии реализации национальных целей развития Российской Федерации.

Исследуются проблемы обеспечения населения услугам сферы культуры в контексте реализации национальных целей стратегического развития Российской Федерации. Приводятся результаты сравнительных расчетов финансирования культуры из консолидированного бюджета регионов и средств населения. Объектом исследования выступают регионы Северо-Западного федерального округа.

Ключевые слова: культура, национальные цели, национальный проект, консолидированный бюджет, платные услуги, регион, Северо-Западный федеральный округ, бюджетная политика.

Ivanov S.A. The sphere of culture in the strategy of implementing the national goals of the Russian Federation.

The article presents the results of analysis of providing the population with services of cultural sphere in the context of the implementation of the national goals of the strategic development of the Russian Federation. The results of comparative calculations of financing culture from the consolidated budget of the regions and funds of the population are presented. The object of the research is the regions of the North-West of Russia.

Keywords: culture, national goals, national project, consolidated budget, paid services, region, Northwestern Federal District, budgetary policy.

Кузьмина Л.К. Модернизация здравоохранения в целях устойчивого экономического и социального развития.

Рассматриваются вопросы развития здравоохранения в контексте реализации национального проекта «Здравоохранение».

Ключевые слова: здоровье, развитие здравоохранения, Стратегия развития здравоохранения.

Kuzmina L.K. Modernization of health care for sustainable economic and social development.

The article examines issues of healthcare development in the context of the national project «Healthcare».

Keywords: health, healthcare development, healthcare development strategy.

Скворцова М.Б. Социальный контракт как механизм социальной защиты отдельных категорий населения.

В статье рассмотрен один из механизмов социальной защиты отдельных категорий населения – социальный контракт. Выделены сильные и слабые стороны данного вида социальной помощи.

Ключевые слова: социальная защита, социальный контракт, малоимущие категории населения.

Skvortsova M.B., Social contract as a mechanism of social protection of certain categories of the population.

The article considers one of the mechanisms of social protection of certain categories of the population - a social contract. The strengths and weaknesses of this type of social assistance are highlighted.

Keywords: social protection, social contract, poor categories of the population.

Туранова М.В. Проблемы реформирования системы обращения с отходами производства и потребления в России

В статье обосновывается актуальность реформирования системы обращения с отходами производства и потребления, рассматриваются основные проблемы реформирования, кратко перечислены пути решения.

Ключевые слова: система обращения с отходами, отходы производства и потребления, отходоперерабатывающая индустрия, региональный оператор, территориальная схема, нормативно-правовая база.

Turanova M.V. Problems of reforming the system of production and consumption waste management in Russia.

The article substantiates the relevance of reforming the system for managing waste from production and consumption, addresses the main problems of reforming, and briefly lists solutions.

Keywords: waste management system, production and consumption waste, recycling industry.

Фесенко Р.С. Алгоритм достижения целей устойчивого производства и потребления в регионах России с учетом рисков их реализации.

В статье рассматривается алгоритм достижения целей устойчивого производства и потребления в регионах СЗФО РФ, основанный на анализе основных условий и рисков достижения целей.

Ключевые слова: устойчивое производство и потребление, алгоритм, регион.

Fesenko Roman S. Algorithm for achieving sustainable production and consumption goals in the regions of Russia, taking into account the risks of their implementation

The article discusses the algorithm for achieving sustainable production and consumption goals in the regions of the NWFD of the Russian Federation, based on an analysis of the basic conditions and risks for achieving goals.

Keywords: sustainable production and consumption, algorithm, region.

Чистякова Н.Е. Уровень образования матерей и рождаемость в Санкт-Петербурге.

Рассматривается уровень образования матерей, родивших детей в 1979 и 2014-2018 годах в Санкт-Петербурге. Отмечается рост рождаемости у матерей с высшим образованием в возрастных группах старше 30 лет.

Ключевые слова: рождаемость, уровень образования, возрастные группы матерей, население Санкт-Петербурга.

Chistiakova N. E. The level of maternal education and fertility in St. Petersburg.

The level of education of mothers who gave birth to children in 1979 and 2014-2018 in St. Petersburg is considered. There is an increase in the birth rate of mothers with higher education in the age groups over 30 years.

Keywords: fertility, education level, age groups of mothers, population of St. Petersburg.

Шабунина Т.В. Социальная составляющая как стратегическое направление эколого-экономического развития регионов.

В статье определена сущность социальной составляющей как стратегического направления эколого-экономического развития регионов, выделены основные направления ее эволюции, проанализированы стратегии социально-экономического развития субъектов СЗФО РФ.

Ключевые слова: социальная составляющая, эколого-экономическое развитие региона, стратегическое направление.

Shabunina T.V. Social component as strategic direction of ecological-economic development of regions in the context of sustainable development.

The article defines the essence of the social component as a strategic direction of ecological and economic development of regions, highlights the main directions of its evolution, and analyzes the strategies of socio-economic development of the subjects of the northwestern Federal district of the Russian Federation.

Keywords: social component, ecological and economic development of the region, strategic direction.

Шестакова Н.Н. Экстренный переход российского высшего образования в on-line: первые итоги.

В статье предпринята попытка оценить первые результаты вынужденного всеобщего перехода системы высшего образования в режим онлайн обучения. Исследованы проблемы, возникающие на уровне трех основных составляющих учебного процесса: преподавателей; студентов; материальной обеспеченности учебного процесса и его технической поддержки. Приведены примеры решения каждой из проблем в вузах разного типа. Обозначены проблемы, которые настоятельно потребуют своего решения уже в ближайшей перспективе

Ключевые слова: российское высшее образование; экстренный переход учебного процесса в онлайн; онлайн-формат обучения; компоненты организации перехода на дистанционное обучение.

Shestakova Natalia N. Emergency transition of Russian higher education in on-line: first results.

The article attempts to evaluate the first results of the urgent universal transition of the higher education system to online learning. The problems arising at the level of three main components of the educational process are studied: teachers; students material security of the educational process and its technical support. Examples of solving each of the problems in universities of various types are given. Identified problems that will urgently require their solution in the near future.

Keywords: russian higher education, emergency transition of the educational process online, on-line training format, components of the organization of the transition to distance learning.

Ширнова С.А. Форсайт-исследования в системе региональных рынков труда

В статье предложены основные методологические подходы к Форсайт исследованию на региональном рынке труда. Исследована практика проведения Форсайт исследований в

России и за рубежом. Представлены классификации профессиональных групп по критерию востребованности на рынке труда. Выявлены риски, возникающие при проведении региональных Форсайтов.

Ключевые слова: прогноз, Форсайт, тренды развития, образ будущего, региональный рынок труда, человеческий капитал.

Shirnova S.A. Foresight research in the system of regional labor markets

The article offers the main methodological approaches to foresight research in the regional labor market. The practice of conducting foresight research in Russia and abroad is studied. The classification of professional groups according to the criterion of demand in the labor market is presented. The risks that arise when conducting regional foresights are identified.

Keywords: forecast, foresight, development trends, image of the future, regional labor market, human capital.

Щелкина С.П. Экологизация инновационной деятельности в регионе в контексте современных глобальных вызовов XXI века.

В статье обосновывается необходимость перехода к циркулярной экономики регионов России как ключевому направлению обеспечения устойчивого развития экономики на основе ускорения темпов экологизации инновационной деятельности. Определены принципы концепции циркулярного воспроизводственного процесса и роль экологических инноваций в реализации этих принципов.

Ключевые слова: экологизация инновационной деятельности, устойчивое развитие экономики, циркулярная экономика, экологические инновации, риски.

Shchelkina S.P. Ecologization of innovative activity in the region in the context of modern global challenges of the XXI century.

The article substantiates the need to switch to the circular economy of Russian regions as a key direction for ensuring sustainable economic development based on accelerating the pace of greening innovation activities. The principles of the circular reproduction process concept and the role of environmental innovations in the implementation of these principles are defined.

Keywords: ecologization of innovative activity, sustainable economic development, circular economy, environmental innovations, risks.

Ялунер Е.В., Жукова Т.Л., Семенов Р.И., Гашко Д.В. Национальный проект «малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»: задачи и практические результаты.

Рассмотрена предпринимательская деятельность с точки зрения основного ресурса реализации национальных проектов развития РФ. Определено влияние федеральных проектов на достижение целевых показателей развития регионов и экономики в целом.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, инновационные проекты, сектор малого и среднего предпринимательства, национальные проекты, стратегия развития Российской Федерации.

Yaluner E.V., Zhukova T. L., Semenov R. I., Gashko D.V. National project "Small and medium entrepreneurship and support of individual entrepreneurial initiative": objectives and practical results.

Business activity is considered from the point of view of the main resource for the implementation of national development projects of the Russian Federation. The influence of federal projects on the achievement of target indicators for the development of regions and the economy as a whole is determined.

Keywords: Entrepreneurship, innovation projects, small and medium-sized businesses, national projects, development strategy of the Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА.....	3
<i>Васильев И.Г.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ «КУЛЬТУРА»	4
<i>Жигалина М.В.</i> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА.....	8
<i>Замятина М.Ф.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ.....	11
<i>Иванов С.А.</i> О ПРИОРИТЕТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ	16
<i>Иванов С.А.</i> СФЕРА КУЛЬТУРЫ В СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	24
<i>Кузьмина Л. К.</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	31
<i>Скворцова М. Б.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ	35
<i>Туранова М. В.</i> ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИИ	39
<i>Фесенко Р.С.</i> АЛГОРИТМ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ С УЧЕТОМ РИСКОВ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ	42
<i>Чистякова Н.Е.</i> УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ МАТЕРЕЙ И РОЖДАЕМОСТЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	45
<i>Шабунина Т.В.</i> СОЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ.....	50
<i>Шестакова Н.Н.</i> ЭКСТРЕННЫЙ ПЕРЕХОД РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ON-LINE: ПЕРВЫЕ ИТОГИ	54
<i>Ширнова С.А.</i> ФОРСАЙТ-ИССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА	62
<i>Щелкина С.П.</i> ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА	68
<i>Ялунер Е.В., Жукова Т. Л., Семенов Р.И., Гашко Д. В.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПОДДЕРЖКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ»: ЗАДАЧИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ	72
КРАТКИЙ СПИСОК АВТОРОВ.....	84
АННОТАЦИИ	86

Научное издание

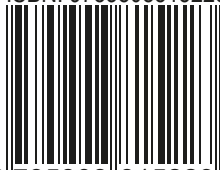
ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Под научной редакцией доктора экономических наук,
Иванова Сергея Анатольевича

Выпуск 48

Материалы сборника научных трудов публикуются в авторской редакции

ISBN: 9785808815223

9 785808 815223

Компьютерная верстка *Т. А. Востриковой*

Компьютерная подготовка к печати *И. Н. Мороз*

Подписано к печати 25.09.20. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 10,57. Тираж 500 экз. Зак. № 311.

Отпечатано с оригинал-макета ИПРЭ РАН
в редакционно-издательском центре ГУАП
190000, Санкт-Петербург, ул. Б. Морская, 67